

Сад бабочек

Автор:

Дот Хатчисон

Сад бабочек

Дот Хатчисон

Роман «Сад бабочек», вышедший в США в 2016 году, буквально взорвал рейтинги «Амазона», уверенно и надолго став бестселлером №1 этого крупнейшего книжного рынка. Читателям стало ясно: на небосклон остросюжетной литературы возшла новая звезда, по своему таланту сравнимая с такими мастерами жанра, как Томас Харрис, Джон Фаулз и Дэвид Болдаччи...

Эти девушки знают его лишь как Садовника – мужчину, который похитил их и поселил здесь, в таинственном саду под стеклянным куполом, с тенистыми деревьями и прекрасными цветами, ручьем и водопадом. Но для них это место – не рай, а сущий ад. И они ни на секунду не забывают: век их короток, как век бабочек, вытатуированных на их спинах, и может оборваться в любой момент. А сколько им отмерено жить, решает один лишь Садовник...

Дот Хатчисон

Сад бабочек

Маме и Дэбу

за то, что отвечали на вопрос и только потом вдумывались в его жуткий смысл.

И за все прочее.

Она не произнесла ни слова с той самой минуты, как ее привели сюда. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, учитывая, через что ей пришлось пройти. Но теперь, глядя на нее сквозь зеркальное стекло, он понимает, что не стоит спешить с выводами. Девушка сидит ссутулившись на жестком металлическом стуле, подперев подбородок перевязанной рукой, а другой выводит бессмысленные узоры по стальной поверхности стола. Под полуприкрытыми глазами темнеют круги, черные немытые волосы собраны на затылке в небрежный пучок. Она измотана, это очевидно.

Но о психологической травме речи не идет.

Потягивая кофе, специальный агент ФБР Виктор Хановериан наблюдает за девушкой и дожидается возвращения своей группы. Или, по крайней мере, своего напарника. Третий член группы еще в больнице, пытается уточнить состояние остальных девушек и, если удастся, узнать их имена и снять отпечатки пальцев. Другие агенты и специалисты – в поместье. Сведений пока немного, однако и этого более чем достаточно: Виктор едва удерживается от того, чтобы позвонить домой и убедиться, что девочки в порядке. Но он лучше ладит с людьми, умеет найти к ним подход, особенно к детям, перенесшим психологическую травму. Поэтому разумнее будет остаться и побеседовать с потерпевшей.

По ее лицу и по одежде размазаны грязь и сажа. Вокруг носа и рта еще видны бледно-розовые следы от кислородной маски. Обе ладони и левое запястье забинтованы, под тонкой блузкой просвечивают бинты. Кроме этой блузки, в больнице кто-то дал ей зеленые медицинские брюки. Она дрожит, приподняв босые ноги над холодным полом, но еще ни разу не пожаловалась.

Виктор даже имени ее не знает.

Из всех, кого удалось спасти – или тех, кого спасать было поздно, – очень немногих он может назвать по имени. А эта девушка не говорила ни с кем, кроме других девушек. И даже тогда не проскользнуло ни одного имени, никаких сведений. Только... да уж, сложно назвать это словами утешения. «Вы или

погибнете, или будете жить. Лучше расслабьтесь, и пусть врачи делают свое дело», – прозвучало не слишком обнадеживающе, но остальные девушки, похоже, прислушались к ней.

Она расправляет плечи, медленно вытягивает руки над головой и выгибается дугой. Микрофоны транслируют противный хруст позвонков. Потянувшись, девушка вновь опускается на стол, сложив ладони и прижавшись щекой к металлической поверхности. Она знает, что за зеркалом кто-то есть и отворачивается к стене. Однако теперь у Виктора есть возможность осмотреть контуры рисунка.

В больнице ему дали фотографию. Чуть выше лопатки виден лишь край пестрого узора. Больше часть рисунка разглядеть сложнее, но блузка недостаточно плотная, чтобы скрыть его полностью. Виктор вынимает из кармана фото и прикладывает его к стеклу, сравнивая снимок с тем, что видит сейчас на спине девушки. Казалось бы, ничего примечательного – не будь такого же рисунка у всех прочих девушек. Кроме одной. Расцветка и контуры разные, но суть одна.

– Как по-вашему, это его рук дело? – спрашивает кто-то из аналитиков, глядя в монитор. Одна из камер установлена в углу комнаты и направлена на лицо девушки. Глаза ее закрыты, дыхание ровное и глубокое.

– Надеюсь, скоро выясним.

Он предпочитает не строить догадок, особенно в тех случаях, когда известно еще слишком мало. А этот случай – один из немногих в его карьере, когда все оборачивалось таким кошмаром, что они и представить себе не могли. Виктор привык предполагать худшее. Если пропадает ребенок, то работаешь как проклятый, ищешь, но не рассчитываешь в конце концов обнаружить бедняжку живой. Ты, может, и надеешься. Но ждешь всегда худшего. Хановериан видел тела до того маленькие, что поневоле задумывался, существуют ли гробы таких размеров. Видел детей, изнасилованных в том возрасте, когда они и слова такого не знают. Но этот случай совершенно нетипичен, и Виктор сбит с толку.

Он даже не знает, сколько этой девушке лет. Врачи дают ей от шестнадцати до двадцати двух, но от этого не легче. Если ей шестнадцать, то рядом с ней должен находиться представитель от службы опеки. Но в больнице от них и так проходу нет. Их помощь может оказаться весьма полезной, только вот при этом

они здорово путаются под ногами. Виктор пытается представить, что бы делали его дочери, будь они заперты в комнате, как эта девушка. Но ни одна из них не может похвастаться такой выдержкой. Значит ли это, что она старше? Или просто научилась сохранять непринужденный вид?

– От Эддисона и Рамирес еще что-нибудь есть? – спрашивает он, не сводя глаз с девушки.

– Эддисон возвращается. Рамирес еще в больнице, с родителями самой младшей девочки, – отвечает одна из женщин.

Ивонна старается не смотреть на девушку в комнате, даже на мониторы не взглянет. Она сегодня первый день после декрета, дома у нее маленькая дочь. Виктор думает, не отстранить ли ее от дела, но она, пожалуй, и сама скажет, если ей станет тяжело.

– Это с нее начался розыск?

– Она пропала всего несколько дней назад. Отправилась в торговый центр с друзьями и исчезла. Как говорят друзья, пошла в примерочную и не вернулась.

Что ж, одной меньше.

В больнице они сфотографировали всех девушек – даже тех, кто умер по дороге – и теперь проверяли их по базе данных. Но на это уйдет еще некоторое время. У тех, кто пострадал меньше остальных, агенты и врачи пытались узнать имена. Но они только оглядывались на эту девушку, которую явно считали своим лидером, и в большинстве своем молчали. Некоторые, казалось, что-то взвешивали, а потом принимались плакать и поднимали на уши медсестер.

Но с этой девушкой все было иначе. Когда с ней заговаривали, она просто отворачивалась. Можно подумать, ей нет никакого дела до тех, кто ее найдет.

И кое-кто из группы даже сомневается, что она жертва...

Виктор допивает кофе и со вздохом сминает стаканчик, бросает его в мусорное ведро возле двери. Он бы предпочел дождаться Рамирес. В подобных

обстоятельствах при допросе всегда желательно присутствие женщины. Вот только дождется ли он ее? Неизвестно, сколько еще времени она пробудет с родителями, и не приедут ли в больницу другие, когда в СМИ опубликуют фото. Если опубликуют, поправляет сам себя Виктор и хмурится. Он терпеть этого не может. Терпеть не может, когда фотографии жертв появляются на экранах и в газетах – и не дают им забыть того, что с ними случилось. По крайней мере, можно подождать до тех пор, пока не придут данные пропавших девушек.

У него за спиной распахивается дверь и громко хлопает. Комната звуконепроницаема, но стекло вибрирует, и девушка, быстро выпрямившись, смотрит на зеркало. И на тех, кто за ним стоит.

Виктор не оборачивается. Никто не хлопает дверьми так, как Брэндон Эддисон.

– Какие новости?

– Сопоставили несколько последних заявлений о пропаже, родители едут. Пока что все с Восточного побережья.

Виктор убирает фотографию со стекла и прячет обратно в карман.

– А насчет нашей подопечной?

– Некоторые называли ее Майей, после того как ее забрали. Фамилии не слышали.

– Имя настоящее?

Эддисон фыркает.

– Сомневаюсь, – он пытается застегнуть куртку, надетую поверх футболки с принтом «Редскинз»[1 - «Вашингтон редскинс» – американский профессиональный футбольный клуб (американский футбол).]. Когда оперативная группа обнаружила выживших, у Виктора и его людей был выходной, и их вызывали в спешке. Зная повадки Эддисона, Виктор рад, что на футболке нет голых женщин. – Мы отправили группу обыскать дом. Может, ублюдок сохранил что-нибудь из личных вещей...

– Хотя мы оба понимаем, что он посягнул на самое личное, что у них было.

Эддисону, вероятно, вспомнилось увиденное в поместье. Он не спорит.

– Почему она? – спрашивает Брэндон. – Рамирес говорит, там были и другие, кто в состоянии говорить. Они напуганы, и до них, наверно, легче достучаться. А с этой, похоже, пойдет не так гладко.

– Остальные смотрят на нее. Я хочу знать почему. Им всем не терпится попасть домой, так почему же они смотрят на нее и отказываются отвечать на вопросы?

– Думаешь, она как-то причастна к этому?

– Это нам и предстоит выяснить, – взяв бутылку воды со стойки, Виктор делает глубокий вдох. – Ладно. Давай поговорим с Майей.

Они входят; девушка устраивается поудобнее на стуле, сплетает забинтованные пальцы на животе. Ее поза, вопреки ожиданиям, ничем не выдает напряжения. Судя по хмурому взгляду, Эддисон тоже озадачен. Она оглядывает обоих, очень внимательно, и невозможно прочесть по ее лицу, что она при этом думает.

– Спасибо, что согласились пойти с нами, – произносит Виктор, не упомянув, что особого выбора у нее и не было. – Это специальный агент Брэндон Эддисон, а я – руководящий специальный агент Виктор Хановериан.

Уголки ее губ чуть приподнимаются. Трудно назвать это улыбкой.

– Специальный агент Виктор Хановериан, – повторяет она хриплым от дыма голосом. – С ходу и не выразишь.

– Зовите меня Виктором, если вам удобнее.

– Мне без разницы. Но все равно спасибо.

Виктор отвинчивает крышку и протягивает ей бутылку, а сам при этом обдумывает манеру общения. Она явно не из пугливых и довольно спокойно воспринимает все произошедшее.

– Как правило, на этом знакомство не заканчивается.

– Добавьте пикантных подробностей? Вы любите плести корзинки и плаваете на длинные дистанции, а Эддисон щеголяет по улицам на каблуках и в юбке?

Брэндон бьет кулаком по столу и повышает голос:

– Ваше имя?

– Вы не очень-то учтивы.

Виктор закусывает губу и с трудом сдерживает улыбку. Вряд ли это поможет делу – и уж точно не поднимет настроение Эддисону, – но удержаться трудно.

– Не могли бы вы представиться?

– Пожалуй, нет. Не думаю, что мне бы этого хотелось.

– Некоторые зовут вас Майей.

– Так зачем же спрашивать?

Эддисон с шумом втягивает воздух, но Виктор не обращает внимания.

– Нам хотелось бы знать, кто вы и как здесь оказались. Мы помогли бы вам вернуться домой.

– А что, если я не нуждаюсь в вашей помощи?

– Тогда странно, почему вы не отправились домой раньше.

В этой полуулыбке и чуть приподнятой брови можно увидеть одобрение. Она довольно красива. Бронзовая кожа и светло-карие, почти янтарные глаза. Но с ней не все так просто. Ее улыбку придется заслужить.

– Думаю, мы оба знаем ответ. Главное, что я уже не там, верно? А домой могу вернуться и отсюда.

– А где ваш дом?

– Даже не знаю, существует ли он теперь.

– Мы тут не в игры играем, – ворчит Эддисон.

Майя мерит его холодным взглядом.

– Нет. Конечно же, нет. Погибли люди, столько жизней поломано... И уверена, вам пришлось оторваться от важного матча.

Эддисон краснеет и вздергивает повыше молнию куртки.

– Не похоже, что вы нервничаете, – замечает Виктор.

Она пожимает плечами и делает глоток, осторожно обхватив бутылку забинтованными руками.

– А должна?

– Людям, как правило, не по себе от разговоров с ФБР.

– Не вижу особой разницы с разговорами с... – она прикусывает рассеченную нижнюю губу.

– С кем? – мягко уточняет Виктор.

– С ним, – отвечает она. – С Садовником.

– Человек, который удерживал вас, вы говорили с его садовником?

Майя качает головой.

– Он был Садовником.

* * *

Только не думайте, что я называла его так из страха или почитания, или из ложного чувства приличия. И вообще не я его так назвала. Это имя, как и многое другое, появилось от нашего незнания. Если мы чего-то не знали, то просто додумывали или постепенно теряли к этому интерес. Думаю, это какая-то форма прагматизма. Люди нежные и отзывчивые, которые отчаянно нуждались в одобрении других, становились жертвами стокгольмского синдрома[2 - Стокгольмский синдром – психологический термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия.]. А остальные склонялись к прагматизму. Я насмотрелась и на тех, и на других, поэтому стою ближе к прагматикам.

Я услышала его имя в первый же день, как попала туда.

Когда я пришла в себя, голова раскалывалась как с самого страшного похмелья, какое мне только доводилось испытывать. Поначалу я даже глаза не могла открыть. Каждый вдох отдавался болью в черепе, не говоря уже о движении. Должно быть, я застонала, поскольку почувствовала вдруг на лице мокрую тряпку. И женский голос заверил меня, что это просто вода.

Не знаю, что меня встревожило больше: тот факт, что она, очевидно, проделывала это не в первый раз, или то, что это вообще была она. Среди тех, кто меня похитил, не было женщины, это я знала точно.

Чья-то рука скользнула мне под шею и осторожно приподняла. Затем к моим губам поднесли стакан.

– Просто вода, можешь мне поверить, – повторил голос.

Я глотнула. Меня не особо волновало, была ли это «просто вода» или что-то еще.

– Сможешь проглотить таблетку?

– Да, – прошептала я, и от одного этого звука голову вновь пронзила боль.

– Тогда открой рот.

Я послушалась; она положила мне на язык две таблетки и вновь поднесла стакан. Я покорно глотнула, и она вновь уложила меня на прохладную простыню. Я постаралась сдержать рвотный позыв. Потом она довольно долго молчала. Когда у меня под веками перестали плясать цветные пятна, я начала понемногу шевелиться. Тогда она сняла тряпку с моего лица и заслонила мне глаза от светильника, чтобы я проморгалась.

– Ты проделываешь это не впервые, – просипела я.

Женщина протянула мне стакан воды.

Она сидела возле кровати, ссутулившись, но и так нетрудно было заметить, какая она высокая. Высокая и жилистая. У нее были длинные ноги и крепкие мускулы, как у амазонки. А может, и львицы, потому что двигалась она мягко, как кошка. Каштановые волосы собраны в причудливую прическу и не скрывали строгих черт лица, глаза темно-карие с золотыми вкраплениями. И на ней было черное шелковое платье, застегнутое у самого горла.

Кажется, она приняла мои слова с некоторым облегчением. По-моему, лучше уж так, чем биться в истерике, а уж этим она, наверное, была сыта по горло.

– Можешь звать меня Лионеттой, – сказала она, когда я насмотрелась вдоволь и вновь переключилась на воду. – Но не нужно называть своего имени, мне все равно нельзя произносить его. Лучше забудь о нем, если сможешь.

– Где мы?

– В Саду.

– В Саду?

Она пожала плечами, и даже в этом мимолетном движении было что-то изящное, грациозное.

– Можно называть его как угодно. Хочешь взглянуть?

– И ты не знаешь, как отсюда выбраться?

Она лишь взглянула на меня.

Что ж, ладно. Я села, свесив ноги с кровати и уперев кулаки в матрас, и только тогда обратила внимание, что на мне ничего нет.

– А одежда?

– Вот, – Лионетта протянула мне обрезок черного шелка.

Это было облегающее платье. Оно доходило до колен и застегивалось вокруг шеи, и у него был вырез на спине. Глубокий вырез. Будь у меня ямочки над ягодицами, это не укрылось бы от Лионетты. Она помогла мне одеться и легонько подтолкнула к двери.

Комната была довольно скромная: лишь кровать и маленький унитаз с раковиной в углу. В другом углу помещался своего рода открытый душ. Стены были выполнены из толстого стекла с проемом вместо двери. С обеих сторон по стеклу тянулись полосы.

Лионетта заметила, как я смотрю на эти полосы, и нахмурилась.

– Это перегородки. Они опускаются, чтобы мы никуда не выходили и нас никто не видел, – пояснила она.

– Часто?

– Иногда.

В обе стороны от дверного проема тянулся узкий коридор. Правда, слева он был довольно короткий и дальше поворачивал. А прямо напротив был еще проход, с такими же линиями, как и на стеклах. За ним располагалась пещера, сырая и прохладная. В темноте была видна арка, и оттуда тянуло свежим воздухом. И перед самым выходом журчал и пенился водопад, и свет поблескивал сквозь льющуюся воду. Лионетта провела меня за водяной завесой в сад, до того красивый, что в глазах начинало рябить. Он утопал в зелени; посреди деревьев пестрели цветы всех мыслимых оттенков, и среди них тучами кружили бабочки. Над нами высилась рукотворная скала; на ее плоской вершине тоже росли деревья, и те, что росли на самом краю, едва не касались верхушкам стеклянной крыши, парящей на непостижимой высоте. Сквозь листья были видны черные стены, слишком высокие, чтобы заглянуть за них, и небольшие просветы, увитые виноградными лозами. Я решила, что там есть проходы в коридоры, подобные тому, из которого мы вышли.

Сад был просто огромным. Он поражал своими размерами, и даже буйство красок не сразу бросалось в глаза. От водопада питался тонкий ручей, впадавший в небольшой пруд с лилиями, и оттуда к дверным проемам расходились белые песчаные тропы.

Небо над стеклянной крышей было окрашено в темно-лиловый, с прожилками розового и фиолетового. Значит, был вечер. Когда меня похитили, еще не стемнело, но я сомневалась, что это произошло в тот же день. Я медленно повернулась, пытаюсь охватить все это, но для меня это оказалось слишком. Я не видела и половины того, что там было, а мой мозг не воспринимал и половины того, что я видела.

– Что за черт?

Лионетта рассмеялась, довольно громко. Но смех резко оборвался, словно она испугалась, что кто-то ее услышит.

– Мы зовем его Садовником, – произнесла она сухо. – Подходящее имя, правда?

– Что это за место?

– Добро пожаловать в Сад Бабочек.

Я обернулась, чтобы переспросить, но потом сама все увидела.

* * *

Майя делает большой глоток и перекачивает бутылку между ладонями. Не похоже, что она собирается продолжать. Виктор негромко постукивает по столу, чтобы привлечь ее внимание.

– Увидели что? – напоминает он.

Она не отвечает.

Виктор вынимает из кармана фотографию и кладет на стол перед ней.

– Это? – спрашивает он.

– Знаете, если будете задавать мне вопросы, на которые уже знаете ответ, вряд ли я проникнусь к вам доверием. – Она сидит, расслабленная, в уже привычной позе, откинувшись на спинку стула.

– Мы – агенты ФБР. Люди привыкли считать нас хорошими парнями.

– А разве Гитлер считал себя плохим?

Эддисон резко подается вперед.

– Хотите сказать, ФБР и Гитлер – это одно и то же?

– Хочу сказать, что все зависит от точки зрения и моральных ценностей.

Когда им позвонили, Рамирес отправилась прямиком в больницу, а Виктор поехал сюда, чтобы координировать потоки поступающей информации. Эддисону выпало осмотреть поместье. Он всегда бурно реагирует на подобные зрелища. С этими мыслями Виктор вновь переводит взгляд на девушку.

– Это больно?

– Ужасно, – отвечает она, обводя пальцем линии на фото.

– В больнице сказали, что ей несколько лет.

– Звучит как вопрос.

– Утверждение, которое нуждается в подтверждении, – поясняет Виктор и в этот раз не сдерживает улыбки.

Эддисон бросает на него хмурый взгляд.

– О врачах можно многое сказать, но и совсем уж бестолковыми их не назовешь.

– И что это, черт возьми, значит? – ворчит Эддисон.

– Да, ей несколько лет.

Эта модель поведения ему знакома – вспоминаются продолжительные разговоры с дочерьми об оценках, экзаменах, друзьях. Он хранит молчание – минуту, потом еще одну. Смотрит, как Майя осторожно переворачивает фотографию. У психологов, наверное, нашлось бы что сказать по этому поводу.

– Он кого-то нанял для этого?

– Единственного, кому он может доверять безоговорочно.

– Таланта ему не занимать.

– Вик...

Виктор, не глядя, толкает ножку стула, на котором сидит Эддисон. Тот вздрагивает. Майя приподнимает уголки губ. Это не совсем улыбка, даже отдаленно ее не напоминает, но хотя бы намек на нее.

Она приподнимает краешек бинта, намотанного на пальцы.

– От иголок такой мерзкий звук, вам не кажется? Особенно если все решили за тебя. Но в том-то и дело, что выбор был, и была альтернатива.

– Смерть, – догадывается Виктор.

– Хуже.

– Хуже, чем смерть?

Эддисон бледнеет. Она замечает это, но вместо того, чтобы поддеть его, кивает с серьезным видом.

– Он знает. Но вы там не были, верно? На бумаге все совсем нет так, как вживую.

– Что может быть хуже смерти, Майя?

Она поддевает и сковыривает свежую корку на указательном пальце. Пятно крови просачивается сквозь бинт.

– Просто удивительно, до чего легко купить аппаратуру для татуирования.

* * *

В первую неделю мне каждый вечер что-то добавляли в еду, чтобы я стала послушной. Лионетта все эти дни была рядом, но остальные девушки – а их там было немало – сторонились меня. Когда я спросила об этом за ужином, Лионетта сказала, что это нормально.

– Если кто-то плачет, это нервирует, – объяснила она с набитым ртом. Что бы я ни думала об этом загадочном садовнике, еда у него была превосходная. – Пока новенькая не освоится, все держатся от нее подальше.

– Все, кроме тебя.

- Кто-то должен этим заниматься. И я могу успокоить, если придется.
- Должно быть, очень мило с моей стороны, что я так и не заплакала.
- Вроде того, - Лионетта наколола на вилку кусок жареной курицы. - Ты что, вообще не плакала?
- А что это изменило бы?
- То ли мы подружимся, то ли я тебя возненавижу.
- Только дай знать, я постараюсь вести себя соответствующе.

Она улыбнулась во весь рот.

- Продолжай в том же духе, только не при нем.
- Почему я непременно должна спать ночью?
- Мера предосторожности. Над нами все-таки утес.

И тогда я задумалась, сколько же девушек бросились с этой скалы, пока он не принял меры предосторожности. Я попыталась представить высоту этого рукотворного монстра. Метров восемь или, может, десять? Достаточно ли этого, чтобы убить?

Я привыкла просыпаться в этой пустой комнате, когда наркотик прекращал свое действие. Лионетта сидела на стуле возле кровати. Но в конце первой недели я проснулась, лежа на животе, на жесткой кушетке. В воздухе стоял едкий запах антисептика. Комната была больше моей, с металлическими стенками вместо стеклянных.

И там был кто-то еще.

Поначалу я ничего не видела - веки были еще тяжелыми после снотворного. Однако я чувствовала, что рядом кто-то есть. Я постаралась дышать спокойнее и

напрягла слух. Но чья-то ладонь легла мне на голую икру.

– Я знаю, что ты проснулась.

Это был мужской голос, не очень громкий, со среднеатлантическим выговором. Приятный голос. Ладонь скользнула выше по ноге, по ягодицам и вдоль спины. И хотя в комнате было тепло, от прикосновения у меня мурашки побежали по коже.

– Постарайся не шевелиться, иначе нам обоим придется пожалеть об этом.

Я повернулась было на голос, но он положил ладонь мне на затылок.

– Мне не хотелось бы тебя связывать, это может исказить контур рисунка. Если ты чувствуешь, что не сможешь лежать неподвижно, у меня есть средство, которое обеспечит это. Но, повторяю, мне бы этого не хотелось. Ты сможешь лежать неподвижно?

– Для чего?

Он вложил мне в руку глянцевый листок.

Я попыталась открыть глаза, но из-за снотворного это давалось тяжелее обычного.

– Если вы пока не собираетесь приступать, можно мне сесть?

Он провел ладонью по моим волосам, легонько царапнув кожу.

– Можно, – в голосе его звучало удивление.

Тем не менее он помог мне сесть. Я протерла глаза и взглянула на рисунок. При этом он продолжал гладить мои волосы. Мне вспомнилась Лионетта, и другие девушки, которых я видела только издали. И я бы не сказала, что была сильно удивлена.

Напугана, да. Но не удивлена.

Он стоял позади меня. От него приятно пахло одеколоном. Аромат не такой выраженный, но, наверное, дорогой. Передо мной лежала аппаратура для татуировки, на подносе стояли в ряд чернила.

– Сегодня мы только начнем.

– Для чего вы это делаете?

– Потому что в саду нужны Бабочки.

– Может, не стоит воспринимать это так буквально?

Это его рассмешило. У него был чистый, непринужденный смех, и ему нравилось смеяться. Только повод возникал не так часто, как ему хотелось бы, и потому он старался не упускать случая. Со временем изучаешь человека, и это было главное, что я узнала о нем. Ему хотелось в полной мере ощутить радость жизни.

– Неудивительно, что ты понравилась моей Лионетте. У тебя такой же крутой нрав.

На это мне нечего было сказать. Ничего такого, что стоило бы говорить.

Он ладонью расправил мне волосы, так что они рассыпались по плечам, и взял расческу. И расчесывал их, пока не осталось ни одной спутанной пряди, и даже после этого не останавливался. Думаю, это доставляло ему такое же удовольствие, как и все прочее. Приятно расчесывать чьи-то волосы, пользоваться этой привилегией. Потом он собрал мои волосы в хвост, стянул резинкой и скрутил в тугий пучок, закрепив его шпильками.

– Теперь ляг на живот, пожалуйста.

Я подчинилась. Когда он отступил на шаг, я заметила краем глаза брюки цвета хаки и рубашку-поло. Он повернул мне голову, так что я смотрела теперь в другую сторону. Я прижалась щекой к черной коже и вытянула руки вдоль

туловища. Не очень удобно так лежать, но и особого дискомфорта я не ощущала. Я напряглась, чтобы не подскочить и не вздрогнуть, и он легонько шлепнул меня.

– Расслабься, – посоветовал он. – Иначе будет больнее, и дольше будет заживать.

Я сделала глубокий вдох и постаралась расслабиться. Я сжимала и разжимала кулаки, и постепенно напряжение в мышцах спины спадало. Этому нас научила София, в основном чтобы уберечь Уитни от периодических срывов, и...

* * *

– София? Уитни? Это кто-то из девушек? – перебивает Эддисон.

– Да, это девушки. Хотя нет, София скорее женщина, – она делает еще глоток и смотрит, много ли осталось в бутылке. – Уитни, в общем-то, тоже. Получается, это женщины.

– Как они выглядят? Мы можем сопоставить их имена...

– Они не из Сада, – сложно истолковать ее взгляд, она смотрит в равной степени насмешливо и с сожалением. – У меня была жизнь и прежде. Я же не в Саду родилась. Во всяком случае, не в том Саду.

Виктор переворачивает фотографию, пытается прикинуть, сколько времени это могло занять. Такие масштабы, такая детализация...

– В первый день он только начал, – говорит Майя, проследив за его взглядом. – Сначала нанес внешние линии. А потом в течение двух недель занимался расцветкой и узором. А когда все было готово, в саду появилась еще одна Бабочка. Он, как Бог, создавал свой собственный маленький мир.

– Расскажи нам о Софии и Уитни, – просит Виктор и решает на время оставить татуировку. Он догадывается, что происходило после, но готов даже признаться в собственной трусости, лишь бы не слушать об этом сейчас.

– Я жила с ними.

Эддисон достает блокнот из кармана.

– Где?

– В квартире.

– Нужно...

– Расскажи нам о квартире, – перебивает Виктор.

– Вик, – возражает Эддисон. – Ничего она нам не расскажет.

– Расскажет, – отвечает Виктор. – Когда будет готова.

Майя молча наблюдает за ними, гоняя бутылку по столу, как хоккейную шайбу.

– Расскажи нам о квартире, – повторяет Виктор.

* * *

Нас было восемь человек. Мы все работали в одном ресторане и жили в гигантской студии. Все в одной комнате, и кровати с тумбочками расставлены как в казарме. У каждой кровати сбоку стояла стойка для вешалок, а с другой стороны можно было закрыться шторкой. Ни намека на личное пространство, но никто не жаловался. В обычных условиях арендная плата оказалась бы непосильной. Но район был паршивый, а в квартире нас жило столько, что свою часть можно было заработать за одну или две смены, а остаток месяца транжирить деньги.

Некоторые так и поступали.

Компания была довольно странная: студентки, бывшая проститутка, разные оторвы... Кому-то хотелось свободы и жить так, как им хочется; другие хотели, чтобы их оставили в покое. Единственное, что нас объединяло, – работа в

ресторане и эта квартира.

И знаете... Это была райская жизнь.

Конечно, нам случалось и ссориться, хватало поводов для ругани, но, как правило, все быстро забывалось. Тебе всегда могли одолжить платье, пару туфель или книгу. Да, мы работали, кто-то еще и занятия посещал, но в свободное время мы были при деньгах, – и имели в своем распоряжении весь город. Даже мне, росшей без особого контроля, эта свобода кружила голову.

В холодильнике было полно закусок, выпивки и воды, а в шкафчиках всегда лежали презервативы и аспирин. Иногда в холодильник попадали остатки из ресторана, и всякий раз, когда к Софии шли с проверкой представители социальных служб, мы успевали закупить продуктов и спрятать выпивку и презервативы. Если мы и ели дома, то просто заказывали что-нибудь. Вся наша работа строилась вокруг еды, и на нашу кухню мы старались лишний раз не заглядывать.

Да, и этот пьяный тип... Мы не знали, жил он в том же доме или нет, но каждый вечер видели его на улице. Он пил, а потом всю ночь поджидал перед дверью. Перед нашей дверью. Ко всему прочему, он был извращенец. Поэтому, если мы возвращались поздно ночью – а это происходило практически всегда, – то поднимались на крышу, а потом спускались на один этаж по пожарной лестнице и домой входили через окно. Наш домовладелец поставил туда специальный замок, потому что София жалела этого пьяного извращенца и не хотела сдавать его копам. Учитывая ее ситуацию, мы не настаивали. В прошлом проститутка, она пыталась покончить с наркотиками и вернуть себе детей.

Они стали первыми моими друзьями. Думаю, мне и раньше попадались люди вроде них, но в этот раз было иначе. Обычно я сторонилась людей, если могла. Но с девочками я работала, и жила с ними, и это было как-то... иначе.

София ко всем питала материнскую любовь. К тому моменту как мы познакомились, она продержалась больше года, и это после двух лет безуспешных попыток. У нее были две прекрасные дочки, они вместе жили в приемной семье. И более того, приемные родители всецело поддерживали Софию в ее стремлении вернуть девочек. Они разрешали им видеться в любое время. И всякий раз, когда ее цепляло и она готова была сорваться, мы сажали

ее в такси, везли в девочкам и напоминали, ради чего она так старалась.

Еще с нами жила Хоуп, и Джессика вечно была у нее на побегушках. Хоуп была полна энергии, и ее переполняли всякие идеи, а Джессика соглашалась на все, что ей говорили. С Хоуп жизнь в квартире была полна веселья и секса. И если для Джессики секс был лишь способом самоутвердиться, то Хоуп по крайней мере научила ее получать от этого удовольствие. Когда я подселась, им было по шестнадцать и семнадцать, совсем еще дети.

Эмбер тоже было семнадцать, но, в отличие от тех двоих, у нее было что-то вроде плана. Она была эмансипированной особой, и это позволило ей порвать с системой опеки. Эмбер получила аттестат средней школы и посещала курсы в двухгодичном колледже, пока не определилась со специализацией. Катрин была на пару лет старше и никогда не рассказывала о своей жизни до заселения в квартиру. Она вообще мало чего рассказывала. Иногда нам удавалось куда-нибудь вытащить ее, но самостоятельно она ничего не предпринимала. Из нас восьмерых если кто и пытался сбежать от кого-то или чего-то, то это явно была Катрин. Но мы не задавали вопросов. В квартире утвердилось правило: твоей личной историей никто не интересовался. Мы все тянули за собой багаж прошлого.

Про Уитни я уже говорила, у нее случались периодические срывы. Она готовилась стать магистром по психологии, и сама при этом была жутко дерганой. Не то чтобы психованной, просто «не умела справляться со стрессом». Во время каникул все было здорово. Но в течение семестра нам по очереди приходилось ее успокаивать. Ноэми тоже была студенткой, по самой бесполезной специальности, какую только можно придумать. Английский язык. Seriously. По-моему, она училась в колледже только из-за стипендии. И тогда у нее была причина, чтобы много читать. К счастью, она всегда делилась книгами.

Ноэми первой заговорила о квартире, во вторую неделю моей работы в ресторане. Я жила в городе третью неделю, по-прежнему обитала в хостеле и каждый день таскала на работу все свои вещи. Мы переодевались в крошечной комнате для персонала. Я оставляла свою форму в ресторане, и если б меня обокрали, то я, по крайней мере, могла бы работать дальше. Остальные переодевались, потому что не хотели щеголять по городу в длинном платье и на каблуках.

– Что ж... тебе, вроде бы, можно доверять, так? – начала Нозми без лишних предисловий. – В смысле, ты не обсчитывала помощников или хозяек, не копалась ни в чьих вещах. И не похоже, чтобы ты что-то употребляла.

– Ну, и что дальше?

Я застегнула лифчик и поправила груди. Жизнь в хостеле в определенной мере раскрепощала. И потом еще работа в женском коллективе, и всем приходилось переодеваться в этой тесной каморке...

– Ребекка говорит, что ты живешь чуть ли не на улице. Ты, наверное, знаешь, что мы живем в одной квартире? Так вот, есть одна свободная кровать.

– Она серьезно, – добавила Уитни и распустила золотистые волосы. – Есть кровать.

– И шкафчик, – хихикнула Хоуп.

– Мы тут поговорили и решили, что ты, может, захочешь подселиться... Платишь три сотни в месяц, включая коммуналку.

Я провела в городе не так много времени, но понимала, что это бред.

– Три сотни? Что за сарай вы снимаете?

– Аренда стоит две тысячи, – поправила София. – Если поделить на всех, получается три сотни. Остальное идет на коммунальные платежи.

Это было ближе к истине. Разве только...

– И сколько вас там живет?

– С тобой будет восемь.

В сравнении с хостелом разница получалась не особая.

– Давайте я останусь сегодня у вас, осмотрюсь и завтра приму решение.

– Отлично! – Хоуп протянула мне джинсовую юбку, такую, что едва хватало прикрыть трусики.

– Это не моя.

– Знаю. Но думаю, тебе будет клево.

Она уже влезала в мои мешковатые брюки, так что я не стала спорить и натянула юбку. Лишний раз в ней наклоняться не стоило. У Хоуп были округлые, даже немного пышные формы, поэтому я приспустила юбку на бедра, чтобы добавить длины.

Хозяин просиял, когда увидел, что я ухожу вместе с остальными.

– Так ты теперь жить с ним, так? Ты уверенный?

– Джулиан, гости давно разошлись.

Он отбросил итальянский акцент и хлопнул меня по плечу.

– Они славные. Я рад, что ты теперь с ними.

Его словам я готова была поверить даже до того, как увидела квартиру. По первому впечатлению, Джулиан был человеком жестким, но справедливым. И я убедилась в этом, когда явилась на собеседование, со всеми вещами, и он предложил мне пробную неделю. Джулиан прикидывался урожденным итальянцем: посетители почему-то думали, что еда от этого становится лучше. При этом он был крупным и довольно толстым, с редящими рыжими волосами, и усы полностью скрывали верхнюю губу. Он считал, что работа говорит о человеке больше, чем слова, и судил людей соответствующе. Под конец испытательного срока Джулиан просто протянул мне план на следующую неделю, и там стояло мое имя.

Мы ушли в три часа утра. Я старалась запомнить дорогу, улицы и поезда, и, когда мы добрались до квартала, не ощущала особого беспокойства. Ноги

изнывали после беготни на высоких каблуках. Преодолев немало лестничных пролетов, мы поднялись на последний этаж и выбрались на крышу. Там все было заставлено садовой мебелью и крытыми грилями, а в одном углу было что-то вроде грядки с марихуаной. Далее мы спустились на один пролет по пожарной лестнице и пошли вдоль длинной вереницы окон. Пока София возилась с замком, Хоуп хихикала, рассказывая мне про извращенца у дверей. В хостеле таких было несколько.

В квартире было светло и очень просторно. У стен по двум сторонам стояли по четыре кровати, а в центре несколько диванов были расставлены квадратом. Островная тумба отделяла кухню от жилой зоны. И в ванной был просторный душ с десятком леек, направленных в разные стороны.

– Мы не интересовались, кто жил здесь до нас, – тактично объяснила Ноэми. – Это просто душ, оргий мы там не устраиваем.

– И убеждаете в этом рабочих из сервисной службы?

– Нет, пусть пофантазируют.

Я невольно улыбнулась. Мне нравилось с ними работать. На кухне постоянно шутили или переругивались, жаловались на придирчивых клиентов или флиртовали с поварами и мойщиками. Я уж и забыла, когда в последний раз столько улыбалась.

Они побросали сумки и переоделись, в пижамы или кому что удобнее. Но спать никто не собирался. Уитни достала учебник по психологии, а Эмбер между тем расставила двадцать стопок и разлила по ним текилу. Я потянулась за одной, но Ноэми вручила мне стакан водки.

– Текила для занятий.

Я устроилась на одном из диванов и следила, как Катрин проверяет Эмбер. Каждый вопрос стоил одну стопку. Если Эмбер ошибалась, то выпивала, если отвечала верно – выпивал кто-нибудь из нас по ее выбору. Первую стопку она протянула мне. На вкус смесь водки и текилы была омерзительной.

Мы просидели до самого утра. Ноэми, Эмбер и Уитни отправились на занятия, а мы наконец отключились. После обеда, когда мы проснулись, я поставила свою подпись в договоре аренды и впервые внесла оплату, с чаевых за две ночи. Теперь у меня был дом, примерно так.

* * *

– Вы сказали, что жили третью неделю в городе? – спрашивает Виктор, перебирая в уме возможные города. В речи Майи не слышно характерных признаков, по которым удалось бы определить ее происхождение. Он почти уверен, что она делает это намеренно.

– Верно.

– Где вы жили раньше?

Вместо ответа она допивает воду. Потом аккуратно ставит бутылку на угол стола и прислоняется к спинке. Медленно потирает плечи забинтованными руками.

Виктор встает и снимает пиджак. Потом обходит вокруг стола и укрывает ей плечи. Майя напрягается, но Виктор делает все аккуратно, чтобы не прикоснуться к ней. Он возвращается к своему месту, и напряжение проходит. Она продевает руки в рукава. Пиджак ей велик и собирается в складки, но ей, похоже, вполне комфортно.

Нью-Йорк, предполагает Виктор. Большая квартира-студия, рестораны открываются едва ли не под вечер. К тому же она говорит «поезда» вместо «метро» или «подземки», и это неспроста. Он отмечает про себя, что нужно связаться с нью-йоркским отделом: может, у них что-нибудь есть на нее.

– Вы где-нибудь учились?

– Нет. Только работала.

Кто-то стучит по стеклу, и Эддисон выходит. Майя с некоторым удовлетворением смотрит ему вслед, потом вновь переводит взгляд на Виктора.

– Что заставило вас отправиться в город? – спрашивает он. – Насколько я понял, вы никого там не знали и у вас не было определенной цели. Так почему?

– А почему нет? Почему бы не попробовать что-то новое? Не сменить обстановку?

– Или не сбежать подальше?

Она лишь приподнимает брови.

– Как вас зовут?

– Садовник звал меня Майей.

– Но прежде вас звали иначе.

– Иногда проще было забыть, – девушка тербит край рукава, скатывает его и снова расправляет. Такими же ловкими движениями она, должно быть, заворачивала приборы в салфетки. – Ты там взаперти, и никаких шансов выбраться или вернуться к прежней жизни. Так зачем цепляться за нее? Зачем лишний раз причинять себе боль воспоминаниями о том, чего уже не вернуть?

– Иными словами, вы забыли?

– Иными словами, он звал меня Майей.

* * *

Пока рисунок был еще не готов, я жила в изоляции от остальных девушек. За исключением Лионетты. Она по-прежнему приходила каждый день, мы разговаривали, она натирала мне спину мазью и показывала мне свою татуировку – без тени стыда или отвращения. Этот узор стал ее частью, как дыхание или естественная грация. Точность прорисовки была поразительная, и мне стало интересно, насколько исказились детали, когда приходило время обновлять краски. Но спрашивать об этом меня как-то не тянуло. Хорошая татуировка может продержаться много лет, прежде чем придется ее освежать. Я старалась не думать о том, каково это, провести в саду столько лет.

Или о другом, худшем из возможных исходов.

Мне по-прежнему добавляли снотворное в еду. Лионетта приносила поднос в комнату, и мы ели вместе. Периодически я просыпалась не у себя в кровати, а на жесткой кушетке, и Садовник поглаживал готовые участки рисунка, проверяя, как заживает кожа. Он так и не позволил мне взглянуть на себя, а металлические стены, в отличие от стеклянных в моей комнате, не давали отражения.

Он напевал за работой. Сам по себе голос был приятный, но одновременно с механическим треском иглоек контраст получался жуткий. В основном это были хиты прошлых лет: Элвис, Синатра, Мартин, Кросби, порой даже сестры Эндрюс. Странное было чувство, лежать там против своей воли и терпеть, пока он ставил на мне свое клеймо. Хотя альтернативы я тогда не видела. Лионетта говорила, что она опекала всех девушек до тех пор, пока их крылья не были готовы. У меня еще не было возможности исследовать Сад, поискать выход. Лионетта то ли знала, что выхода нет, то ли ее это не волновало – я еще не могла сказать с уверенностью. Поэтому я просто позволила ему закончить этот чертов рисунок. Я не спрашивала, что произойдет, если не подчиниться ему, как-то помешать... Только однажды заикнулась, но Лионетта вдруг побледнела, и я сменила тему.

Она никогда не водила меня по коридору, только в Сад – через пещеру за водопадом. И мне казалось, что это неспроста. Или она не хотела мне показывать что-то, или не желала, чтобы я увидела, а это не одно и то же. Неважно, я могла подождать. Может, это из страха. Или из прагматизма.

Примерно под конец третьей недели Садовник закончил с рисунком.

Все утро он усердно трудился, был крайне сосредоточен и почти не делал перерывов. В первый день прошелся вдоль позвоночника, нанес внешние контуры крыльев, прожилки и обозначил крупные узоры. Потом начал от кончиков крыльев, двигаясь к позвоночнику и чередуя участки, чтобы кожа успевала заживать. Он был очень скрупулезен.

Потом жужжание стихло. Он стер кровь и лишнюю краску, при этом руки у него дрожали, хотя прежде такого не было. Затем задышал часто и прерывисто, осторожно втирая мне в кожу холодную и склизкую мазь.

– Ты великолепна, – произнес он хрипло. – Просто безупречна. Бесценное пополнение для моего Сада. А теперь... теперь нужно дать тебе имя.

Он провел большими пальцами по позвоночнику, там кожа заживала быстрее всего. Затем пальцы скользнули к шее и коснулись затылка. К его рукам пристала жирная мазь, и волосы у меня слиплись, потяжелели. Потом он без предупреждения стянул меня с кушетки, так что ноги мои коснулись пола, а туловище осталось лежать. Я слышала, как он расстегивает ремень и ширинку, и крепко зажмурилась.

– Майя, – прохрипел он, обхватив меня за талию. – Теперь ты Майя. Моя.

* * *

Ее прерывает громкий стук в дверь. Она вздрагивает, но при этом не скрывает облегчения.

Виктор ругается про себя, подходит к двери и резко ее распахивает. Эддисон жестом просит его выйти.

– Что, черт возьми, стряслось? – шипит Виктор. – Она как раз начала говорить.

– В кабинете подозреваемого кое-что обнаружили, – Брэндон протягивает ему прозрачный пакет с кучей водительских прав и удостоверений. – Похоже, тут все, кого он держал.

– Во всяком случае, те, у кого были документы, – Хановериан берет пакет – черт, сколько же в нем карточек – и слегка встряхивает, чтобы прочесть некоторые из имен. – Ее документы тоже нашлись?

Эддисон протягивает ему второй пакет, совсем небольшой, с одной карточкой. Это нью-йоркское удостоверение, и Виктор узнает ее с первого взгляда. Она чуть моложе, черты лица мягче, хотя выражение то же.

– Инара Моррисси, – читает он вслух, но Эддисон качает головой.

– Специалисты все просканировали и теперь сопоставляют. Но эту проверили первой. Еще четыре года назад никакой Инары Моррисси не существовало. Номер страхового свидетельства принадлежит двухлетней девочке, умершей в семидесятых. Отдел в Нью-Йорке отправил человека к последнему указанному работодателю, это ресторан «Вечерняя звезда». По адресу в удостоверении находится заброшенное здание, но мы позвонили в ресторан и узнали адрес квартиры. Агент, с которым я говорил, даже присвистнул. Район, должно быть, не из лучших.

– Да, она говорила.

– Да уж, она заслуживает доверия.

Виктор не отвечает, поглощенный изучением карточки. Эддисон прав, это подделка – но какая, черт возьми... Он вынужден признать, что в обычных обстоятельствах купился бы на нее.

– Когда она перестала появляться на работе?

– Два года назад, по словам ее босса. Судя по налоговым выплатам, это так.

– Два года... – Виктор возвращает большой пакет, а маленький, с одной карточкой, складывает так, чтобы тот поместился в карман. – Пусть проверят остальные как можно скорее. Привлеки людей из другой группы, если получится. Опознание девушек в больнице имеет первостепенное значение. Потом раздобудь нам пару наушников, чтобы оперативно получать новости из Нью-Йорка.

– Будет сделано, – Эддисон бросает хмурый взгляд на дверь. – Она и в самом деле говорила?

– Разговорить ее было не так уж сложно, – Виктор усмехается. – Тебе надо жениться, Эддисон, а еще лучше воспитать пару дочерей. Она лучше многих, но моделей поведения никто не отменял. Нужно только слушать и подмечать важное. Слышать то, что не сказано словами.

– Вот поэтому я предпочитаю беседовать с подозреваемыми, а не с жертвами, – и, не дожидаясь ответа, Брэндон уходит обратно к аналитикам.

Раз уж пришлось выйти, можно воспользоваться паузой. Виктор быстро проходит по коридору в основной офис подразделения. Лавируя между столами, направляется в угол, используемый в качестве кухни и зоны отдыха. Берет кофейник с подставки и придиричиво нюхает. Кофе остыл, но еще не застоялся. Виктор наполняет две кружки, более-менее чистые, и ставит их в микроволновку. Пока они греются, он роется в холодильнике в поисках чего-нибудь съедобного.

Торт со дня рождения – не совсем то, что он ищет, но сгодится. Виктор кладет на бумажные тарелки два больших куса, набирает несколько пакетиков с сахаром и сухими сливками. Потом пальцами подхватывает обе кружки и направляется в комнату техперсонала.

Эддисон хмурится, но придерживает тарелки, чтобы Виктор смог установить наушник. Он не пытается скрыть его – девушка слишком умна для этого. Установив наушник в нужном положении, Хановериан берет тарелки и возвращается в комнату.

Она с удивлением смотрит на торт. Виктор сдерживает улыбку, пододвигая к ней одну из тарелок и кружку.

– Я думал, вы, возможно, проголодались. Не знаю, пьете ли вы кофе.

– Не пью, но все равно спасибо, – она делает глоток, морщится, но проглатывает и делает еще один.

Виктор ждет, пока она не откусит от своего куса.

– Расскажите мне о «Вечерней звезде», Инара.

Нет, она не вздрагивает и не давится. Только замирает на краткий миг. Виктор и не заметил бы этого, если б не смотрел на нее. Она проглатывает и слизывает крем с губ, оставляя ярко-красные следы.

– Такой ресторан, но это вам уже известно.

Виктор достает из кармана пакет с удостоверением и кладет на стол. Майя касается пальцем карточки и на секунду прикрывает лицо.

– Он сохранил их? – спрашивает она с недоверием. – Это как-то...

– Глупо?

– Ну да, – девушка задумчиво морщит лоб, потом накрывает карточку ладонью, словно хочет спрятать. – Всё?

– Насколько мы можем судить.

Она мешает кофе в кружке и смотрит на маленький водоворот.

– Но Инара не более реальна, чем Майя, верно? – осторожно спрашивает Виктор. – И ваше имя, и ваш возраст – они же вымышлены.

– Для своих целей они вполне реальны, – мягко возражает девушка.

– Да, чтобы найти работу и крышу над головой. Но что было прежде?

* * *

Нью-Йорк славен тем, что никто и никогда не задает тебе вопросов. Понимаете, это одно из тех мест, куда едут все. Это мечта, это цель. Место, где можно скрыться среди миллионов людей, желающих того же. Никого не волнует, откуда ты и почему уехал, потому что все сосредоточены на себе и на своих желаниях. У Нью-Йорка такая богатая история, но все, кто там живет, думают лишь о будущем. Даже если ты из Нью-Йорка, то все равно можешь где-нибудь исчезнуть, и никто тебя не найдет.

Я сложила все, что у меня было, в вещевой мешок и чемодан, и села в автобус до Нью-Йорка. Там я разыскала столовую для бездомных, и мне разрешали спать там, если я помогала на кухне. Кое-кто из таких же добровольцев рассказал мне

про парня, который сделал документы его жене, нелегально приехавшей из Венесуэлы. Я набрала номер этого парня, и уже на следующий день ждала его возле библиотеки, сидя у статуи льва.

Он опоздал на полтора часа. Это был странный тип среднего роста и худой, и вид его не внушал особого доверия. Вся его одежда была жесткой от соли и покрыта пятнами, о происхождении которых я старалась не думать. Прямые волосы практически сваялись в дреды. Он постоянно шмыгал и то и дело оглядывался, а потом подносил рукав к лицу и вытирал красный нос. Не исключено, что это был гений своего дела, но непонятно, на что уходил его заработок.

Он не спрашивал моего имени – только имя, которое мне нужно. Дату рождения, адрес, нужны ли мне водительские права или только удостоверение, нужна ли пометка о том, что я донор... Разговаривая, мы вошли в библиотеку, где наша тихая речь не вызывала подозрений. Когда мы проходили мимо баннера с участком белого цвета, я встала на его фоне, и он сфотографировал меня. Я подготовилась к встрече и даже купила немного косметики, так что могла сойти за девятнадцатилетнюю. Все дело в глазах. Если повидал достаточно, то выглядишь старше, и неважно, какое у тебя лицо.

Он сказал ждать его вечером у одного ларька с хот-догами, и тогда он принесет все, что мне нужно. Когда мы снова встретились – парень опять опоздал, – он протянул мне конверт. Такая мелочь, но при этом способна изменить жизнь. Он запросил с меня тысячу, но предложил переспать с ним, и тогда скинул бы до пятисот.

Я заплатила тысячу.

Мы разошлись в разные стороны, и я вернулась к хостелу, где планировала остаться на ночь – подальше от столовой и тех, кто мог припомнить девушку, спрашивавшую о поддельных документах. Там я открыла конверт и впервые взглянула на Инару Моррисси.

* * *

– Вы не хотели, чтобы вас нашли; почему? – спрашивает Виктор, ручкой размешивая кофе.

– Нет, мне не было до этого дела. Ведь для этого нужно, чтобы кто-то меня искал.

– Так почему же вас никто не искал?

– Скучаю по Нью-Йорку. Там подобных вопросов никто не задает.

В наушнике слышно шипение, кто-то из специалистов выходит на связь.

– Из Нью-Йорка сообщили, что она получила аттестат три года назад. Показала блестящие результаты, но так и не сдала экзамены средней школы и не запросила табель успеваемости, чтобы пройти в колледж или устроиться на работу.

– Вы бросили школу? – спрашивает Виктор. – Или не пошли в старшие классы, чтобы потом не пришлось предъявлять диплом?

– Теперь, когда вы знаете имя, легче копаться в моей жизни, верно?

Она доедает торт и аккуратно кладет пластиковую вилку поперек тарелки, зубьями вниз. Потом надрывает один из пакетиков с сахаром и высыпает горсткой на тарелку. Облизывает незабинтованный палец, обмакивает в сахар и кладет в рот.

– Но вы знаете только о моей жизни в Нью-Йорке.

– Вот поэтому и хочу услышать о том, что было прежде.

– Мне нравилось быть Инарой.

– Но это не ваше имя, – настаивает он мягко.

Глаза ее вспыхивают злостью. Это столь же мимолетно, как и ее полуулыбки или удивление, но оно имеет место.

– Если розу назвать как-то иначе, перестанет она от этого быть розой?

– Это лишь форма. Человека делает не имя, а его история. И я хочу знать вашу.

– Для чего? Из моей истории вы не узнаете про Сад, а вам ведь это нужно? Садовник и его Сад? И его Бабочки?

– И если он выживет, чтобы предстать перед судом, нам потребуются свидетели. Девушка, которая не желает назвать своего настоящего имени, вряд ли заслуживает доверия.

– Это всего лишь имя.

– Нет, если оно ваше.

Она приподнимает уголки рта.

– Блисс так говорила.

– Блисс?

* * *

Лионетта, как всегда, дожидалась у двери. Она тактично отвела глаза, пока я надевала черное облегающее платье, ставшее для меня единственным предметом одежды.

– Закрой глаза, – велела она. – Лучше узнавать все поэтапно.

Я столько времени пролежала там с закрытыми глазами, что перспектива вновь добровольно ослепнуть ввергала меня в ужас. Но Лионетта явно хотела как лучше, и я, конечно же, была не первой, кого она выхаживала. Я закрыла глаза, она взяла меня за руку и повела по коридору. В этот раз мы пошли в

противоположном направлении. Коридор был длинный, и в самом конце его мы повернули налево. Я вела правой рукой вдоль стеклянной стены, и ладонь проваливалась в пустоту всякий раз, когда мы проходили мимо дверного проема.

Лионетта направила меня в один из проходов и остановила мягким прикосновением. Я почувствовала, как она отступила на шаг.

– Можешь открыть глаза.

Она стояла передо мной, в центре комнаты, почти идентичной моей. Но эта казалась более обжитой: на полке над кроватью стояли фигурки оригами, на кровати были одеяла и подушки, и туалет с душем и раковиной был завешен оранжевой шторкой. Из-под самой большой подушки торчал уголок книги, и под кроватью имелись выдвижные ящики.

– Как он тебя назвал?

– Майя, – меня передернуло, когда я впервые произнесла имя вслух. Вспомнилось, как он повторял его раз за разом, пока...

– Майя, – повторила Лионетта, придав имени новое звучание. – Теперь взгляни на себя, Майя.

Она взяла в руки зеркало, расположив его таким образом, чтобы я увидела отражение в зеркале позади себя.

Кожа на спине была еще розовая, с припухлостями в тех местах, куда краску нанесли недавно. Я знала, что рисунок станет светлее, когда сойдут струпья. По бокам, где платье имело вырезы, были видны отпечатки пальцев. Но ничто не мешало рассмотреть узор. Он был ужасен. Он был противен мне.

И он был прекрасен.

Верхние крылья были золотисто-коричневые, как волосы и глаза у Лионетты, с вкраплениями белого, черного и бронзового. Нижние – розовых и пурпурных полутонов с белыми и черными точками. Точность потрясающая, переход оттенков создавал эффект отдельных чешуек. Цвета насыщенные, сочные.

Рисунок покрывал почти всю спину, от плеч и до самой талии. Крылья были узкие и вытянутые, их края слегка заходили мне на бока.

Мастерство исполнения было очевидным. Можно было как угодно относиться к Садовнику, но его талант не вызывал сомнений.

Я ненавидела этот рисунок, но он был великолепен.

В дверном проеме появилась еще одна девушка, очень миниатюрная. Но, судя по ее формам, это была далеко не девочка. Кожа белоснежная, без единого изъяна; черные вьющиеся волосы беспорядочно заколоты шпильками. Чуть вздернутый нос выглядел скорее мило, чем красиво. Внешность ее была не столь однозначна, но, как и все девушки, которых я видела в Саду, она была просто очаровательна.

Красота теряет смысл, если окружает тебя в избытке.

– Так это и есть новенькая? – Она плюхнулась на кровать и взяла маленькую подушку. – Ну, и как этот ублюдок называл тебя?

– Он может услышать, – предостерегла Лионетта, но девушка лишь пожала плечами.

– Ну и ладно. Он не требует от нас любви. Ну, так как он называл тебя?

– Майя, – ответили мы одновременно с Лионеттой, и имя это уже не так резало слух. Я подумала, что со временем, возможно, станет легче произносить его. А может, оно так и будет причинять мне страдания, как мелкий осколок, который нельзя просто вынуть пинцетом.

– Хм, нет так уж и плохо. Меня он называл Блосс[3 - Bliss (англ.) – блаженство, наслаждение.], – она закатила глаза и фыркнула. – Блосс! Как ему только в голову пришло?.. Ох, дай-ка посмотреть.

Она покрутила пальцем и в этот момент чем-то напомнила мне Хоуп. С этой мыслью я медленно повернулась к ней спиной.

– Неплохо. Во всяком случае, расцветка тебе идет. Надо посмотреть, что это за вид.

– Это Древесница западная[4 - Большинство североамериканских бабочек не имеют устоявшегося русского названия. Здесь и далее приведены адаптированные варианты названий.], – вздохнула Лионетта. Я покосилась на нее, и она в ответ пожала плечами. – Надо же чем-то занять себя. Может, тогда это выглядит не так ужасно. Я – Червонец пятнистый.

– А я – Голубянка мексиканская, – добавила Блисс. – Выглядит довольно мило. Жутко, конечно, но смотреть меня ведь никто не заставляет. В любом случае, это просто имя. Он может звать нас А и Б, или по порядковым номерам, без разницы. Откликайся, но не делай вид, что оно стало частью тебя. Так будет легче.

– Легче?

– Ну да! Помни, кто ты на самом деле, и думай, будто играешь роль. Если начнешь воспринимать это как нечто свое, тебе грозит кризис идентичности. А кризис идентичности, как правило, ведет к нервному срыву. А нервный срыв в наших условиях ведет...

– Блисс.

– Что?.. Думаю, ей хватит духу. Она до сих пор не заплакала, а все мы знаем, что он делает, когда заканчивает рисунок.

Точно как Хоуп, только гораздо смышленнее.

– Так к чему ведет нервный срыв?

– Пройдись по коридорам. Только не на полный желудок.

* * *

– Вы только что прошли по коридору, – напоминает Виктор.

– С закрытыми глазами.

– Так что же было в коридорах?

Вместо ответа Инара допивает остатки кофе и смотрит на него так, словно намекает, что ему следует знать, что к чему.

В наушнике снова раздается треск.

– Рамирес только что звонила из больницы, – говорит Эддисон. – Она отправит снимки тех, кого врачи позволят сфотографировать. Есть совпадения по спискам пропавших. Если считать тех, кто в морге, идентифицированы около половины девушек. Но у нас проблема.

– Что за проблема?

Инара внимательно смотрит на него.

– Одна из девушек из влиятельной семьи. Она называет себя Равенной, но отпечатки пальцев принадлежат Патрис Кингсли.

– Пропавшая дочь сенатора Кингсли?

Инара откидывается на спинку стула. Все это явно ее забавляет. Непонятно только, что тут может быть веселого. Ситуация грозит обернуться настоящим кошмаром.

– Сенатора уже поставили в известность? – спрашивает Виктор.

– Еще нет, – отвечает Эддисон. – Рамирес хотела сначала предупредить нас. Представь себе, Вик, с каким отчаянием сенатор Кингсли разыскивала свою дочь. Глупо рассчитывать, что она не вмешается в расследование.

А если это произойдет, о той конфиденциальности, какую они могли обеспечить этим девушкам, придется забыть. Их лица появятся во всех газетах от Восточного до Западного побережья. А Инара... Виктор устало трет глаза. Если сенатор узнает, что у них есть малейшие подозрения насчет этой девушки, она

не успокоится, пока не будет выдвинуто обвинение.

– Передай Рамирес, чтобы молчала до последнего, – говорит он Эддисону. – Нам нужно время.

– Принял.

– Напомни, когда она пропала?

– Четыре с половиной года назад.

– Четыре с половиной года?

– Равенна, – произносит Инара, и Виктор переводит на нее взгляд. – Никто не забывает, сколько времени провел там.

– Почему?

– Это все меняет, верно? Если сенатор вмешается.

– Вас это тоже коснется.

– Конечно, коснется. Как же иначе?

Она все знает. Виктору неприятно думать об этом. О деталях она, скорее всего, не догадывается, но знает, что они подозревают ее в некоей причастности. Хановериан старается истолковать этот насмешливый взгляд, чуть вздернутые уголки губ. Как-то спокойно она воспринимает эти новые сведения.

Значит, пора сменить тему разговора, иначе можно и вовсе лишиться влияния.

– Вы говорили, что девушки в квартире стали вашими первыми друзьями.

Инара садится чуть ровнее.

– Ну да, – отвечает она осторожно.

– Почему?

– Потому что прежде у меня не было друзей.

– Инара.

Девушка интуитивно реагирует на интонацию в его голосе и в этот момент чем-то напоминает его дочерей. Она слишком поздно осознает свою реакцию и теперь выглядит недовольной.

– Вы свое дело знаете... У вас есть дети?

– Три дочери.

– И тем не менее посвятили себя покалеченным детям.

– Я посвятил себя спасению покалеченных детей, – поправляет Виктор. – Добиваюсь правосудия для них.

– Вы действительно считаете, что им есть дело до правосудия?

– А вы так не считаете?

– Нет, не считаю. От правосудия в лучшем случае нет толку. И этим ничего не исправить.

– Вы бы повторили это, если б в детстве добились справедливости?

Вновь эта полуулыбка – исполненная горечи, мимолетная.

– И в чем же мне следовало добиваться справедливости?

– Я живу своей работой. Вы же не думаете, что я не опознаю покалеченного ребенка, если посадить его передо мной?

Она склоняет голову, признавая его правоту, потом закусывает губу и вздрагивает.

– Не совсем так. Я скорее безнадзорное дитя, а не покалеченное. Я – плюшевый мишка, собирающий пыль под кроватью, но не одноногий солдатик.

Он улыбается и отпивает из кружки; кофе быстро остывает. Она готова продолжать. Каким бы сложным это ни казалось Эддисону, Виктор в своей стихии.

– В каком смысле?

* * *

Иногда смотришь, как люди женятся, и с каким-то безразличием понимаешь, что детей, рожденных в этом браке, ждет жизнь, полная дерьма. Это факт. Не дурное предчувствие, а мрачная уверенность, что этим двоим лучше не заводить детей. И они, конечно же, заведут.

Как мои родители.

Моей маме было двадцать два, когда она вышла за моего отца. Это был ее третий брак. В первый раз она вышла за брата бывшего мужа ее матери, в семнадцать. Они и года не прожили вместе, как он умер от инфаркта во время секса – но оставил ей неплохое состояние. Через несколько месяцев она вышла за мужчину всего на пятнадцать лет старше ее, и когда они развелись годом позже, мама вновь оказалась в выигрыше. Потом пришла очередь моего отца. Если б он не обрюхатил ее, она вряд ли вышла бы за него. Отец был хорош собой, но не мог похвастаться большим состоянием и был старше всего на два года, что сулило маме ряд непреодолимых осложнений.

За это следует поблагодарить ее маму, у которой было девять мужей, пока не наступила менопауза. Тогда она решила, что слишком истощена, чтобы вновь выходить замуж. И все они умирали, каждый раньше предыдущего. Это происходило непредумышленно, они просто... умирали. Конечно, большинство из них были старыми, и каждый оставлял ей приличное состояние. Поэтому моя мама выросла с определенными ожиданиями. Но ее третий муж не оправдывал

ни одного.

Впрочем, в их оправдание могу сказать, что родители все же пытались как-то жить. Первые несколько лет мы провели рядом с родными отца – дядями, тетями, кузинами. Я даже припоминаю, как играла с другими детьми. Потом мы переехали, и связи оборвались. Остались только я и мои родители с их многочисленными интрижками. Они постоянно пропадали или со своими любовниками, или у себя в спальне, поэтому я росла самостоятельно. Научилась пользоваться микроволновкой, выучила расписание автобусов, чтобы добираться до магазинов, запомнила, по каким дням у кого-то из родителей в бумажнике были наличные, и могла расплачиваться за продукты.

По-вашему, это выглядело довольно странно, да? Но если в магазине меня спрашивали – кассир или какая-нибудь женщина, – я говорила, что мама осталась в машине с маленьким ребенком, чтобы не выключать кондиционер. Они верили, даже зимой, улыбались и говорили, какая я замечательная дочь и сестра.

Уже тогда я была невысокого мнения об умственных способностях большинства людей.

Мне было шесть, когда они решили обратиться к семейному психологу. Не то чтобы всерьез рассчитывали на это, просто решили попробовать. На работе папе кто-то сказал, что страховка покроет консультацию, и это произведет благоприятное впечатление на суде и ускорит развод. Психолог посоветовал нам выбраться куда-нибудь втроем, повеселиться. В какое-то особенное место – например, в парк развлечений.

Мы приехали в парк около десяти, и пару часов все шло нормально. А потом была карусель. Терпеть не могу эти чертовы карусели. Папа стоял у выхода и ждал меня, а мама у входа помогла мне забраться на деревянную лошадь. И они просто стояли с противоположных сторон и смотрели, как я нарезаю круг за кругом. Я не доставала до железных стремян, и лошадь подо мной была слишком широкой, и у меня болели бедра, но я продолжала сидеть, круг за кругом, круг за кругом. Потом я увидела, как папа ушел со стройной латиной. Потом еще один круг – и мама ушла с высоким рыжим парнем в килте.

Кто-то из ребят постарше снял с лошади свою маленькую сестренку и заодно помог мне слезть. Он держал меня за руку, пока мы шли к выходу, и мне хотелось остаться в его семье. Хотелось стать сестрой тому мальчику, кто катался бы со мной на карусели и держал за руку, кто смотрел бы на меня с улыбкой и спрашивал, весело ли мне. Но мы вышли, я поблагодарила его и помахала женщине, уткнувшейся в свой телефон, и мальчик решил, что я разыскала маму. Я смотрела, как они с сестрой вернулись к родителям, и те обрадовались их возвращению.

Остаток дня я бродила по парку, стараясь не попасться на глаза охране, но наступил вечер, а я так и не разыскала никого из родителей. Охранники заметили меня и отвели в Комнату позора. Ну, они называли это пунктом потерявшихся. И несколько раз объявляли имена по громкой связи с просьбой к родителям, чтобы те пришли за своими детьми. Там были и другие дети: кого-то могли забыть, а кто-то просто убежал или спрятался.

Потом кто-то из взрослых упомянул службу опеки. Какая-то женщина сказала, что детей, которых не забрали до десяти часов, передадут органам опеки. С нами по соседству жила семья, и у них были приемные дети. При одной мысли о подобной жизни я приходила в ужас. К счастью, кто-то из малышей описался и закатил такую истерику, что все взрослые столпились вокруг него и пытались утешить. Мне удалось выскользнуть за дверь и вернуться в парк.

Пришлось немного побродить, но в итоге я разыскала выход и вышла незамеченной, пристроившись за группой школьников, которые задержались у карусели. Потом я около часа шагала через всю парковку к заправочной станции, где еще горел свет для уезжающих людей. У меня оставались деньги, которые папа дал мне перед каруселью, и я позвонила им на мобильники, потом позвонила домой, а после не придумала ничего другого, кроме как позвонить соседям.

Было почти десять, но сосед сел в машину и ехал два часа, чтобы забрать меня, а потом еще два часа обратно. В нашем доме не горел свет.

* * *

– Это был сосед из той семьи с приемными детьми? – спрашивает Виктор, когда она замолкает и проводит языком по рассеченной губе. Он берет пустую бутылку

и протягивает к стеклу, и держит так, пока ему не сообщают, что Эддисон сейчас придет.

– Да.

– Но он доставил вас домой в целости и сохранности. Почему же мысль о жизни с ним приводила вас в ужас?

– Когда мы подъехали к его дому, он сказал, что в благодарность я должна полизать ему леденчик.

Бутылка с треском мнетя у него в ладони.

– Господи...

– Когда он пригнул мою голову к своей промежности, я сунула два пальца в глотку и облевала его. И заодно нажала на клаксон, чтобы вышла его жена, – Инара открывает второй пакетик с сахаром и высыпает в рот половину. – Его потом арестовали на месяц или около того за грубое обращение с детьми, а она переехала.

Распахивается дверь, и Эддисон ставит перед Инарой бутылку с водой. Согласно протоколам, им следовало заранее свинтить крышку – опасность удушения, – но в другой руке у него стопка фотографий и пакет с удостоверениями. Он сваливает все это на стол.

– Укрывая от нас правду, – ворчит он, – вы защищаете человека, который сделал это.

Инара была права. На словах все представляется совсем не так. Виктор делает медленный вдох, чтобы побороть отвращение. Он берет из стопки первую фотографию, потом вторую, третью, четвертую. На всех запечатлены участки разрушенных коридоров.

Инара останавливает его на седьмой. Поворачивает снимок, чтобы рассмотреть внимательнее. Потом кладет обратно в стопку и проводит пальцем по узору в центре изображения.

– Это Лионетта.

– Ваша подруга?

Ее забинтованный палец скользит вдоль линии стекла по снимку.

– Да, – шепчет она. – Была ею.

* * *

Дни рождения в Саду забывались, как и имена. Когда я познакомилась с другими девушками, то заметила, что все они очень молоды. Но никто никого не спрашивал о возрасте. В этом просто не было необходимости. Рано или поздно мы умирали, и коридоры ежедневно напоминали нам об этом. Так к чему усугублять?

Но Лионетта...

За полгода я подружилась со многими девушками, но Лионетта и Блосс стали мне ближе всех. Во многом они были как я. Терпеть не могли ныть и жалоб на нашу трагическую участь. Мы не пресмыкались перед Садовником и не подлизывались, чтобы как-то облегчить себе жизнь. Мы просто мирились с неизбежным и в остальное время занимались своими делами.

Садовник нас обожал.

В основном мы могли свободно передвигаться и только ели в определенное время, поэтому девушки постоянно переходили из одной комнаты в другую. Если Садовник хотел кого-то, он просто проверял камеры и приходил. Когда Лионетта попросила меня и Блосс остаться у нее на ночь, я не подумала ничего такого. Мы постоянно так делали. Мне следовало бы обратить внимание на отчаяние в ее голосе. Но в Саду становишься глух к подобным вещам. Как и красота, отчаяние и страх стали для нас чем-то привычным.

Днем мы всегда носили черные платья с вырезом на спине, чтобы видны были крылья. Но на ночь нам ничего не давали, и многие спали в нижнем белье, мечтая о бюстгальтере. Жизнь в хостеле и в студии стала для меня полезным

опытом. Все это смущало меня куда меньше, чем других девушек, которые попадали в Сад. Одним унижением меньше, и меня труднее было сломить.

Мы втроем лежали в ее кровати и ждали, когда погаснет свет. Мы с Блисс стали замечать, как Лионетту трясет. Это был не приступ – она лишь вздрагивала, и дрожь разбегалась по всему телу. Я села и нащарила ее руку, и наши пальцы сплелись.

– Что с тобой?

В ее золотистых глазах блеснули слезы, и мне вдруг стало не по себе. Прежде я ни разу не видела, чтобы Лионетта плакала. Она терпеть не могла слез, особенно своих.

– Завтра мне будет двадцать один, – прошептала она.

Блисс вскрикнула, заключила подругу в объятия и уткнулась лицом ей в плечо.

– Черт, Лионетта, мне так жаль...

– В двадцать один у нас истекает срок годности? – спросила я тихо.

Лионетта крепко обняла меня и Блисс.

– Я... никак не могу решить, стоит ли сопротивляться. Я умру, так или иначе, и не хочу отдавать свою жизнь даром. Но не будет ли от этого больнее? Чувствую себя такой трусихой, но если меня ждет смерть, я не хочу, чтобы было больно!

Она всхлипывала, а мне хотелось, чтобы стены в этот раз были опущены, и мы бы сидели, запертые в этой тесной комнатке. Тогда остальные не слышали бы ее плача. Другие девушки уважали Лионетту за ее сдержанность, и мне не хотелось, чтобы ее считали слабой, когда ее не станет. Но, как правило, стены опускались только дважды в неделю. В эти дни – мы называли их выходными – приходили обычные садовники и наводили порядок в нашей прекрасной тюрьме. Они никогда нас не видели, и слышать тоже не могли – это обеспечивала система перегородок.

Нет, не так. Еще стены опускались, когда появлялась новая девушка. Или умирала.

Мы не любили, когда стены опускались, и лишь в исключительных случаях нам этого хотелось.

Мы оставались с Лионеттой всю ночь. Она плакала, пока не уснула, совершенно обессиленная, и проснулась только затем, чтобы вновь расплакаться. Ближе к четырем она нашла в себе силы, чтобы встать и принять душ. Мы помогли ей вымыть волосы, расчесали и заплели в изящный венец. У нее в шкафу висело новое платье. Янтарного цвета, прошитое золотой нитью, оно пылало огнем среди всего черного. В этом платье крылья стали еще ярче на фоне загорелой кожи: насыщенный оранжевый с черными пятнами, и вокруг них вкрапления золотого и желтого, черные у самых кончиков, с белыми прожилками. Расправленные крылья Червонца пятнистого.

Садовник явился за ней перед самым рассветом.

Это был человек приятной наружности, ростом чуть выше среднего и хорошо сложенный. Из тех людей, которые всегда выглядят лет на десять-пятнадцать моложе, чем им есть на самом деле. Русые волосы всегда уложены и подстрижены, глаза цвета моря, бледно-серые. Он был хорош собой, с этим не поспоришь, но у меня внутри все сжималось от одного его вида. Я еще ни разу не видела его в черном. Он стоял в дверном проеме, заложив большие пальцы в карманы, и просто смотрел на нас.

Лионетта тяжело вздохнула, крепко обняла Блисс и что-то шепнула ей на ухо, после чего поцеловала на прощание. Потом она повернулась ко мне и до боли сжала в объятиях.

– Меня зовут Кэссиди Лоуренс, – прошептала она так тихо, что я едва могла разобрать. – Пожалуйста, не забывай меня. Не позволяй ему быть единственным, кто меня запомнит.

Она поцеловала меня, закрыла глаза, и Садовник увел ее за собой.

Все утро мы с Блисс провели в комнате Лионетты, перебирая ее личные вещи, которые она скопила за пять лет. Она провела там пять лет. Мы сняли занавески

и сложили их вместе с постельным бельем на голом матрасе. Книга, которую она держала под подушкой, оказалась Библией. На полях отмечены были все пять лет отчаяния, ненависти и надежды. Бумажных фигурок было столько, что хватило бы всем девушкам в саду, поэтому вечером мы раздали их, вместе с черными платьями. Когда мы отправились на ужин, ничто в комнате не напоминало о Лионетте.

На следующую ночь стены опустились. Мы вместе с Блисс лежали на моей кровати, застеленной уже нормальной простыней. Мы получали кое-какие вещи за то, что были послушными и не пытались покончить с собой. Так что теперь у меня были простыни и одеяла, тех же лиловых оттенков, что и нижние крылья у меня на спине. Когда стены опустились и мы оказались взаперти, Блисс принялась плакать и ругаться. Стены поднялись через несколько часов. Как только они пришли в движение, Блисс схватила меня за руку, и мы протиснулись наружу, чтобы обследовать коридор.

Но далеко идти не пришлось.

Он стоял там, прислонившись к стене, и рассматривал девушку под стеклом. Ее голова клонилась на грудь, небольшие скобы удерживали тело. Прозрачная смола заполняла оставшееся пространство, и платье застыло так, словно она находилась под водой. Можно было во всех подробностях разглядеть прижатые к стеклу крылья. Все, что отличало Лионетту – ее мрачная улыбка, ее глаза, – теперь было скрыто. На виду остались только крылья.

Он повернулся к нам и провел рукой по моим спутанным волосам, осторожно их расправляя.

– Ты забыла собрать волосы, Майя. Мне не видно твоих крыльев.

Я принялась собирать волосы в узел, но он перехватил мое запястье и повел за собой.

В мою комнату.

Блисс выругалась и побежала по коридору, но я успела заметить ее слезы.

Садовник сел рядом со мной на кровати и стал расчесывать мне волосы, пока они не заблестели, как шелк. Потом долго гладил их, а после его руки скользнули дальше, а за ними – и губы. Я закрыла глаза и стала про себя декламировать «Беспокойную долину».

* * *

– Что, простите? – перебивает ее Эддисон с таким выражением, словно ему плохо.

Инара отрывается от фотографии и поднимает на него задумчивый взгляд.

– «Беспокойная долина», – повторяет она. – Поэма Эдгара Алана По. «Люди на войну ушли, звездам вверив волю пашен, чтоб в ночи, с лазурных башен, тайну трав те стерегли...»[5 - Пер. В. Брюсова.] Мне нравится По. Он подкупает своей откровенной замкнутостью.

– Но какое...

– Я делала так всякий раз, когда Садовник приходил ко мне, – отвечает она прямо. – Я не пыталась сопротивляться, потому что не хотела умирать, но и участвовать не собиралась. Я ждала, пока он закончит, и, чтобы абстрагироваться, читала про себя стихи По.

– В тот день, когда он закончил татуировку, вы в первый раз, хм... в первый раз...

– Читала По? – заканчивает она за него, насмешливо приподняв брови. Виктор краснеет, но кивает. – К счастью, нет. За несколько месяцев до этого я заинтересовалась сексом, и Хоуп одолжила мне одного из своих парней. Ну, в каком-то смысле.

Эддисон начинает кашлять, и Виктор рад, что на такие темы с дочерью разговаривает жена.

* * *

При других обстоятельствах Хоуп, наверное, можно было бы назвать шлюхой. Но София была проституткой, пока полиция не забрала у нее дочерей, и болезненно реагировала на такие слова. Кроме того, Хоуп занималась этим не ради денег, это ее забавляло. Хотя могла сделать на этом состояние. Мужчины, женщины, парочки или группы – Хоуп на все была готова.

В квартире не было и намека на личное пространство. Если не считать ванную, она представляла собой одну большую комнату, и шторы между кроватями мало что скрывали. Про звукоизоляцию, конечно, и говорить нечего. Хоуп и Джессика были не единственные, кто приводил гостей, но они делали это чаще других, иногда по несколько раз на день.

Мне довольно рано пришлось столкнуться с педофилом, и сексом я практически не интересовалась. Плюс мои родители. Я считала секс чем-то ужасным и не хотела иметь с этим дела. Но жизнь в квартире постепенно все меняла. Если девочки не занимались сексом, то постоянно говорили о нем. Они хоть и смеялись надо мной, но отвечали, когда я задавала вопросы, а Хоуп еще и показала мне, как нужно мастурбировать. Постепенно любопытство пересилило неприязнь, и я решила попробовать. Вернее, стала об этом подумывать. Но поначалу я еще сомневалась и несколько раз упускала случай.

Как-то вечером, когда мне не нужно было идти на работу, Хоуп привела двух парней. Джейсон, он тоже работал в ресторане, один из немногочисленных парней в нашем коллективе, – и Тофер, его приятель. Без них уже трудно было представить нашу квартиру. Они часто приходили, и неважно, была ли Хоуп дома или нет. С ними было весело, иногда они приносили что-нибудь перекусить. Едва они переступили порог, Хоуп со смехом принялась стягивать с Джейсона одежду, и до постели они добрались уже голыми.

Тофер, по крайней мере, покраснел и удосужился спихнуть их одежду поближе к кровати.

Я сидела с книжкой на одном из диванов. Как только у меня появился нормальный адрес, я первым делом завела абонемент в библиотеке и заглядывала туда пару раз в неделю. Прежде чтение помогало мне сбежать от действительности. Потом нужда в этом отпала, но я по-прежнему любила читать. Собрав одежду в кучу, Тофер налил два стакана апельсинового сока – пару дней назад приходили из социальной службы, и холодильник был набит под завязку, – протянул мне один и уселся рядом на диван.

– Не присоединишься к ним? – поддразнила я его, и парень покраснел еще больше.

– Ни для кого не секрет, что Хоуп как машина напрокат. Только вот мне не нравится ездить с кем-то на пару, – пробормотал он, и я рассмеялась. С Хоуп все обстояло именно так, и она гордилась этим.

Тоферу было около девятнадцати. Он работал моделью и временами помогал Джулиану с доставкой, чтобы подзаработать. Внешность у него была приятная и вполне типичная для модели – знаете, когда настолько к этому привыкаешь, что твоя красота кажется чем-то обыденным. Но он был довольно милым. Мы поговорили о дневном представлении, куда ходили всей компанией неделю назад. Потом – про его подработку на выставке, где он был живым манекеном, и про общего знакомого, который собирался жениться, и спорили, продержится ли его брак. И все это время рядом хихикали и визжали Хоуп с Джейсоном.

В общем, обычный вечер.

Но развлечение в конце концов пришлось прервать.

– Четыре доходит! – перекричала я их стоны. – Вам на работу скоро!

– Ладно, сейчас добыю его!

И действительно, не прошло и полминуты, как Джейсон застонал. А еще через десять минут они вместе приняли душ и отправились на работу. В тот вечер работали почти все девочки, кроме Нозми и Эмбер – по средам у них были занятия, и они возвращались не раньше десяти. Тофер ненадолго отлучился, но потом вернулся с пакетом из закусочной на углу.

У Хоуп приглашение к сексу сводилось к тому, чтобы поцеловать тебя и запустить руку в штаны. Но я была не Хоуп.

– Тофер?

– Да?

– Не хочешь просветить меня по части секса?

Я тоже была прямолинейна, но несколько иначе.

Другой на его месте покраснел бы, но Тофер дружил с Хоуп, кроме того, не раз участвовал в наших разговорах. Он только улыбнулся, и я отметила с облегчением, что это не ухмылка.

– Конечно. Если считаешь, что готова.

– Вроде как да. Мы же в любой момент можем остановиться.

– Да. Скажи, если вдруг станет некомфортно.

– Ладно.

Тофер собрал остатки еды и запихнул в переполненное мусорное ведро у двери – Хоуп должна была захватить его по пути. Потом вернулся, устроился на подушках и мягко привлек меня к себе.

– Начнем без спешки, – сказал он и поцеловал меня.

В ту ночь секса как такового у нас не было. Тофер называл это «все, что кроме». Но я чувствовала себя вполне комфортно, было весело, и мы много смеялись. Еще год назад, когда я только переехала, все это показалось бы странным. Когда вернулись Ноэми и Эмбер, мы оделись, но Тофер остался на ночь. Мы лежали под простыней в моей тесной постели и продолжали наши игры, пока Ноэми – ее кровать была по соседству – не рассмеялась и не сказала, что присоединится к нам, если мы не заткнемся. Еще через несколько дней мы остались наедине и смогли продолжить. В первый раз я толком не поняла, что же в этом такого превосходного.

Потом мы повторили. И в этот раз я поняла.

Так продолжалось несколько недель, пока Тофер не встретил в церкви девушку, с которой захотел серьезных отношений. Но мы вновь стали просто друзьями, так же непринужденно, как стали партнерами. Никто не обижался и не ощущал

неловкости. Между нами не возникло привязанности или каких-то чувств. Тофер заглядывал и после того, как начал встречаться с этой девушкой. Мне нравилось, когда он приходил, но не потому, что я хотела секса. Просто Тофер был славным парнем и нравился нам.

И все равно я не могла понять, почему для родителей секс был важнее всего на свете.

* * *

Она отвинчивает крышку и делает большой глоток, потирая при этом саднящее горло. Виктор рад этой паузе. Эддисон, вероятно, тоже. Глаза у обоих опущены. Это и есть психологическая травма. Виктор и не припомнит случая, чтобы жертва так спокойно говорила о сексе.

Он откашливается и переворачивает фотографии, чтобы не видеть коридоров и мертвых девушек.

– Вы говорили, что ваш сосед был первым педофилом, с которым вам пришлось столкнуться. Были и другие?

– Бабушкин газонокосильщик, – Инара замолкает и хмуро смотрит на бутылку. Виктор догадывается, что она не собиралась говорить этого. Возможно, сказывается усталость. Он временно отбрасывает эту мысль, но найдет случай вернуться к этому.

– Вы часто виделись с бабушкой?

Инара вздыхает и сдирает засохшую корочку с пальца.

– Я жила с ней, – отвечает она нехотя.

– С какого времени?

* * *

Мне было восемь, когда родители решили наконец развестись. Все вопросы по поводу денег, дома, машин и прочего были улажены за один день. Следующие восемь месяцев прошли в спорах о том, у кого я должна остаться. Разве это не чудесно – на протяжении восьми месяцев выслушивать доводы от родителей, которым ты, в сущности, не нужна...

В конце концов они решили отправить меня к бабушке по маминей линии, и платить ей за мое содержание. В тот день, когда пришло время уезжать, я сидела на ступеньках с тремя чемоданами, двумя коробками и плюшевым мишкой – все мое имущество. Никого из родителей не было дома.

Годом ранее у нас через улицу поселились новые соседи. Молодая пара, у них только-только родился ребенок. Я часто бегала к ним посмотреть на малыша: это был славный мальчуган, который пока не знал обмана и жестокости. С такими родителями, возможно, и не узнал вовсе. Его мама всегда угощала меня печеньем с молоком, а папа научил играть в покер и блэкджек. Это они отвезли меня на вокзал и помогли купить билет на деньги, оставленные родителями на прикроватной тумбочке. Они погрузили весь мой багаж, представили водителю и помогли найти свое место. Она даже завернула мне обед в дорогу и кексы, еще теплые. Это была еще одна семья, в которой мне захотелось остаться. Но я лишь помахала им, когда автобус тронулся, и они стояли на краю тротуара – малыш был между ними – и тоже махали, пока не пропали из виду.

Когда я приехала в город, где жила бабушка, мне пришлось взять такси, чтобы добраться до ее дома. Водитель всю дорогу материл родителей, которым нельзя заводить детей. Когда я спросила его о значении некоторых слов, он даже объяснил, как использовать их в речи. Район, где в большом потрепанном доме жила бабушка, считался престижным шестьдесят лет назад, но быстро пришел в упадок. Таксист помог мне выгрузить вещи, я заплатила ему и пожелала охеренного дня. Он рассмеялся, потрепал меня по волосам и сказал, чтобы я берегла себя.

В менопаузу с бабушкой творилось нечто странное. В молодости она становилась поочередно то женой, то вдовой – но теперь была убеждена, что выдохлась и стояла одной ногой в могиле. Поэтому она не выходила из дома и забивала комнаты всякой мертвечиной.

Серьезно, мертвечиной. Даже таксидермистам было не по себе от ее мании, а для этого надо действительно постараться. Бабушка закупала чучела животных,

всякой экзотической дичи. Медведей или пум, которых в городе просто так не увидишь. Были еще разные птицы и броненосцы. Но больше всего я ненавидела коллекцию местных кошек и собак, которых убивали на протяжении многих лет, и бабушка заказывала из них чучела. Они были повсюду, даже в ваннных и на кухне, каждая комната была заставлена ими.

Когда я вошла и втащила в коридор все свое имущество, бабушки нигде не было видно. Зато я ее услышала.

– Если ты маньяк, то не трать время на старуху; если вор, то у меня нет ничего ценного; а если убийца – побойся Бога!

Я двинулась на голос и разыскала ее в небольшой гостиной, сплошь заставленной чучелами животных. Бабушка сидела в мягком кресле, в юнитарде[6 - Юнитард – обтягивающий комбинезон для занятий спортом.] тигровой расцветки и в коричневой шубе. Она курила сигареты одну за другой и смотрела «Цену удачи»[7 - Название популярной в США телевизионной игры.] по семидюймовому телевизору. Картинка рябила, и цвет все время пропадал.

Она даже не взглянула на меня, пока не началась реклама.

– А, это ты... Вверх по лестнице, третья дверь направо. Пока не ушла, будь хорошей девочкой, подай бутылку виски со стойки.

Я передала ей бутылку – почему бы и нет – и смотрела, как она разливает виски по блюдцам и расставляет их перед кошками и собаками на диване, который иначе как безобразным нельзя было назвать.

– Пейте, мои хорошие, вы это заслужили, быть мертвым не так уж приятно.

Алкогольные пары мгновенно заполнили комнату, смешавшись с запахом затхлой шерсти и сигаретных бычков.

Комната, которую указала бабушка, до того была забита чучелами, что они вывалились в коридор, едва я открыла дверь. Остаток дня и всю ночь я занималась тем, что выгребала чучела из комнаты и искала для них место, чтобы занести свои вещи. Я спала, свернувшись на самом большом из своих чемоданов,

потому что простыни были слишком грязные. На следующий день я драила комнату, выбивала из матраса пыль и мышинный помет – и мышинные трупы – и застелила кровать своей простыней, взятой из дома. Когда комната стала более-менее похожа на мою прежнюю, я спустилась на первый этаж.

На бабушке был новый костюм, в этот раз ярко-фиолетовый. Только это и указывало на то, что она вообще двигалась с места.

Я дождалась рекламы и прокашлялась.

– Я убралась в комнате, – сообщила я. – Если там окажется хоть одно чучело, я спалю дом.

Она рассмеялась и шлепнула меня.

– Хорошая девочка. Мне нравится твоя решимость.

Так я перебралась к бабушке.

Обстановка переменилась, но жизнь протекала по-прежнему. Раз в неделю один дерганый парень доставлял бабушке продукты. Она давала ему чаевых почти на сумму заказа, поскольку это была единственная причина, почему он приезжал в наш район. Можно было просто позвонить в магазин и включить в заказ что-то еще. В школе, куда меня определили, я практически ничему не научилась. Учителя даже не отмечали отсутствующих, потому что не хотели, чтобы те остались еще и на второй год за прогулы. Не сомневаюсь, что там работали и хорошие учителя, но таких было слишком мало, и мне они не попадались. Остальным не было до нас никакого дела – лишь бы платили зарплату.

Ученики всецело поддерживали такое положение вещей. Наркотики продавали прямо в классах, даже в младшей школе – по указанию взрослых братьев или сестер. Когда я перешла в среднюю школу, там всюду стояли металлодетекторы. Но никто и пальцем не шевелил, если они срабатывали, а происходило такое регулярно. На пропуски никто не обращал внимания, и даже если тебя не было несколько дней подряд, никто не звонил тебе домой.

Как-то раз я из любопытства просидела дома целую неделю. Мне даже штрафного задания не дали, когда я объявилась. Я вернулась только потому, что стало скучно. Это было печально. Я ни к кому не лезла, и меня никто не трогал. С наступлением темноты я не высывалась из дома и каждую ночь засыпала под звуки выстрелов и сирен. А когда приходил газонокосильщик, дважды в месяц, я пряталась под кровать на тот случай, если он войдет в дом.

Ему было под тридцать, может, чуть больше. Джинсы на нем всегда были слишком тесные и узкие. Так он пытался обратить внимание на свое достоинство – но даже в том возрасте я не видела в нем ничего выдающегося. Он называл меня своей милой девочкой. Если мы пересекались, когда я возвращалась из школы, он трогал меня и просил передернуть ему. Однажды я пнула его, точно по яйцам. Он матерился и гнался за мной до самого дома, но в прихожей налетел на оленя, и бабушка наподдала ему за то, что он отвлек ее от сериала.

После этого я всегда ждала у заправки в паре кварталов, пока он не проезжал на своем грузовике.

* * *

– И родители ни разу не поинтересовались, как у вас дела? – Виктор понимает, что вопрос довольно глупый, но сказанного не изменишь. Он кивает, едва у нее кривятся губы.

– Родители ни разу не приехали проведать меня, ни разу не позвонили, не отправили открытки или подарка. Мама присылала чеки первые три месяца, папа – первые пять, но потом это прекратилось. Я ничего о них и не слышала с тех пор, как поселилась у бабушки. Честно говоря, я даже не знаю, живы ли они еще.

Агенты мотались целый день. Виктор ничего не ел со вчерашнего вечера, кроме этого куса торта. Он чувствует, как бунтует желудок. Она, должно быть, голодна не меньше. Прошло почти двадцать четыре часа с тех пор, как сотрудники ФБР прибыли в Сад. А на ногах они еще дольше.

– Инара, я не против, чтобы вы рассказывали всё в удобном для вас порядке. Но хочу услышать от вас прямой ответ на один вопрос: не следует ли нам пригласить представителя из службы опеки?

– Нет, – она отвечает моментально. – И это правда.

– Насколько эта правда далека от лжи?

В этот раз она действительно улыбается. Криво и насмешливо, но даже так лицо ее становится мягче.

– Вчера мне исполнилось восемнадцать. С днем рождения меня.

– То есть, когда вы приехали в Нью-Йорк, вам было четырнадцать? – спрашивает Эддисон.

– Ага.

– И на кой черт?

– Бабушка умерла, – Инара пожимает плечами и тянется за бутылкой. – Я пришла из школы, а она сидит мертвая в своем кресле, и пальцы обожжены истлевшей сигаретой. Я даже удивилась, как все не загорелось от алкогольных паров. Должно быть, у нее случился сердечный приступ или вроде того.

– Вы сообщили об этом?

– Нет. Газонокосильщик или парень с доставки обнаружили бы ее, а мне не хотелось, чтобы кто-то решал, как быть со мной. Возможно, разыскали бы кого-то из моих родителей, и мне пришлось бы ехать с ними. Или просто пристроили бы меня в системе опеки. А может, разыскали бы какого-нибудь дядю или тетю с папиной стороны и отправили бы меня к очередным родственникам, которым я не нужна... Ничего такого мне не хотелось.

– И как же вы поступили?

– Собрала вещи в чемодан и мешок и вычистила бабушкину заначку.

Виктор не уверен, обрадует ли его ответ, но вынужден спросить:

– Значку?

– Наличность. Бабушка не доверяла банкам и всякий раз, когда получала чек, обналичивала его и прятала половину в заднице у чучела немецкой овчарки. Хвост был на шарнире, так что можно было залезть под него и достать деньги.

Она делает глоток, потом собирает губы в кучку и прижимает к горлышку так, чтобы вода касалась трещин.

– Там было почти десять тысяч, – продолжает она, отодвинув бутылку. – Я спрятала их в мешке и в чемодане, переночевала в своей комнате, а утром вместо школы отправилась на вокзал и купила билет до Нью-Йорка.

– Вы провели ночь в доме с мертвой бабушкой.

– Но ведь не с ее чучелом. Да и чем эта ночь отличалась от других?

Снова статический треск в наушниках.

– Мы заказали вам перекусить, – сообщает Ивонна. – Будет через минуту-другую. И еще, звонила Рамирес. Некоторые из девушек понемногу разговариваются, но пока ничего особенного. Похоже, о мертвых они думают больше, чем о себе. Сенатор Кингсли вылетела из Массачусетса.

Что ж, все не так плохо. Наверное, глупо надеяться, что самолет совершит где-нибудь вынужденную посадку из-за плохой погоды.

Виктор качает головой и окидывается на спинку стула. Сенатора пока нет. Ею можно будет заняться, когда она прибудет.

– Сделаем небольшой перерыв и перекусим. Но сначала еще один вопрос.

– Всего один?

– Расскажите, как вы попали в Сад.

– Это не вопрос.

Эддисон нетерпеливо похлопывает себя по бедру, но Виктор продолжает:

– Как вы попали в Сад?

– Меня похитили.

Три дочери ее возраста – ей остается только добавить «дурак» в конце.

– Инара.

– У вас в самом деле талант.

– Я прошу.

Она вздыхает, подтягивает ноги и обхватывает колени забинтованными руками.

* * *

«Вечерняя звезда» была довольно приличным заведением. Столики лишь по предварительной брони, и цены достаточно высокие, так что просто перекусить практически никто не заходил. В обычные дни официанты носили смокинги, а официантки – черные платья без бретелек и воротнички с манжетами, как у смокингов. У нас были даже черные бабочки, вечно приходилось их поправлять. Серьги носить запрещалось.

Но Джулиан знал, как угодить богатым. По особому случаю можно было арендовать весь ресторан и нарядить официантов в костюмы. Существовало несколько основных правил, и Джулиан следил, чтобы все было в рамках приличия. Но, в пределах дозволенного, можно было предложить любые наряды, и мы носили их весь вечер. После мы могли оставить их себе. Джулиан всегда предупреждал нас заранее о подобных мероприятиях, и если кому-то не нравилось, те могли поменяться сменами.

За две недели до моего шестнадцатого дня рождения – или двадцать первого, как считали девочки – ресторан арендовал один тип, который собирал средства для театров. Их первое представление называлось «Мадам Баттерфляй», и наряды были соответствующие. В тот вечер работали только девушки, по желанию клиента. Нам всем дали черные платья и огромные крылья из шелка и проволоки. Они крепились специальным клеем и латексом... до чего же это было мерзко! А волосы нам велели собрать на затылке.

Мы решили, что это все-таки лучше, чем извращенческие наряды пастушек или кринолиновые платья времен Гражданской войны в предсвадебный ужин. Они занимали кучу места в квартире и когда в конце концов надоели нам, мы обменяли их на рождественские подсвечники. Все было не так плохо, хоть нам и пришлось прийти на работу намного раньше, чтобы надеть проклятые крылья. К тому же мы могли оставить себе платья. Обслуживать столики с огромными крыльями за спиной оказалось адски сложно. Когда мы покончили с сервировкой основных блюд и собрались на кухне, пока в зале представляли спонсоров, никто не знал, плакать нам или смеяться. Некоторые смеялись сквозь слезы.

Ребекка, старшая официантка, со вздохом опустилась на стул и положила ноги на ящик. Она была беременна и уже не могла подолгу ходить на каблуках. Но это избавило ее от чертовых крыльев.

– Я этого не вынесу, – простонала она.

Я встала позади стула, насколько позволяли крылья, и принялась массировать ей плечи и спину.

Хоуп посмотрела в щель между дверьми.

– Мне одной кажется, что для старикана наш клиент еще неплохо управляется с хером?

– Он не так уж стар. И следи за выражениями, – одернула ее Уитни. Были такие слова, которых Джулиан не желал слышать от нас во время работы, даже на кухне. И «хер» входило в их число.

– Его сынок старше меня. Значит, он старый.

– Тогда пофлиртуй с его сыном.

– Нет уж, спасибо. Так-то он ничего, но с ним что-то не так.

– Он не глазееет на тебя?

– Он слишком много глазееет, на всех нас. Что-то с ним не то. Уж лучше я поглазею на старикана.

Мы стояли на кухне и болтали, обсуждая гостей. Потом презентацию прервали, и вновь началась беготня по залу. Я оказалась рядом со столиком нашего клиента и смогла поближе взглянуть на того самого старика и его сына. Ясно было, что имела в виду Хоуп, когда говорила про сына. Он действительно был хорош собой и неплохо сложен. Темные глаза и русые волосы, как у отца, хорошо сочетались с загаром.

Хоть загар и казался искусственным.

Но было в нем что-то еще, в его взгляде, как он смотрел на нас. За пленительной улыбкой скрывалась откровенная жестокость. Его отец был просто обаятелен и молчаливой улыбкой благодарил нас за наши усилия. Он остановил меня, коснувшись бедра двумя пальцами, и это не казалось чем-то бесцеремонным или зловещим.

– Прелестная татуировка, моя милая.

Я проследила за его взглядом. За пару месяцев до этого все мы, даже Катрин, сделали себе татуировки. Потом это казалось нам чем-то нелепым, мы даже не понимали, как вообще решились на это. Мы тогда были немного навеселе, Хоуп доставала нас, пока мы не сдались. Татуировка была на правой щиколотке, с внешней стороны: изящный узор из переплетающихся черных линий. Это Хоуп такой выбрала. София, самая здравомыслящая из всех, была против бабочки: это слишком вычурно и банально. Но Хоуп стояла на своем. Если ей что-то взбрело в голову, она была невыносима. Как правило, на время работы мы прикрывали татуировку одеждой или косметикой. Но, учитывая тематику вечера, Джулиан сказал, что рисунок можно не прикрывать.

– Спасибо, – я налила ему вина в бокал.

– Вам нравятся бабочки?

В общем-то нет, но такой ответ ему вряд ли понравился бы.

– Они красивые.

– Да. Но, как и всякое красивое создание, живут очень мало, – он оглядел меня снизу доверху и улыбнулся, глаза у него были бледно-зеленые. – Прелестна не только татуировка.

Я отметила про себя, что отец внушает страх в той же мере, что и сын, и следовало сказать об этом Хоуп.

– Благодарю, сэр.

– Мне кажется, вы слишком молоды для работы в таком ресторане.

Впервые кто-то говорил мне, что я слишком молодо выгляжу. Я уставилась на него, заметила в его взгляде какое-то удовлетворение.

– Некоторые выглядят старше своих лет, – произнесла я и тут же пожалела об этом. Не хватало еще, чтобы состоятельный клиент заявил Джулиану, что я солгала насчет своего возраста.

Я направилась к следующему столику. Он ничего не сказал, но я чувствовала на себе его взгляд, пока шла на кухню.

Во вторую часть презентации я пробралась в раздевалку за тампоном и направилась было в туалет. В дверях стоял сын клиента. Ему было двадцать пять или около того, но мы были одни в тесной комнате, и мне стало не по себе. Обычно Хоуп слабо разбиралась в людях, но в этот раз она оказалась права: с этим парнем в самом деле что-то было не так.

– Простите, но это комната только для персонала.

Он проигнорировал мои слова и, по-прежнему стоя в дверях, потрепал край моего крыла.

– У моего отца превосходный вкус, тебе не кажется?

– Вы должны уйти, сэр. Клиентам запрещено здесь находиться.

– Знал, что ты так скажешь.

– А я повторю, если надо. – Кегс, помощник официанта, грубо оттащил его от двери. – Очень жаль, но если вы не вернетесь в зал, вам придется покинуть ресторан.

Незнакомец оглядел его с ног до головы. Кегс был высокий и крепкий, и вполне был способен швырнуть человека, как пивной бочонок, – отсюда и прозвище. Незнакомец хмуро кивнул и удалился.

Кегс смотрел ему вслед, пока тот не повернул за угол.

– Ты в порядке, дорогуша?

– Да, спасибо.

Мы называли его «своим» помощником, в основном потому, что Джулиан всегда назначал его в наши смены и он считал нас своими девочками. Независимо от того, работал он в ту ночь или нет, Кегс всегда провожал нас до метро и ждал, пока мы не сядем в поезд. Он единственный игнорировал правила Джулиана насчет татуировок и пирсинга – неизвестно почему. Да, он был только помощником и не общался с клиентами, но все равно был на виду. Джулиан ничего не говорил по поводу его проколотых ушей, бровей, губ и языка. Или рук, сплошь покрытых переплетением черных линий, которые просвечивали сквозь белую рубашку и выглядывали из-под манжет и воротника, если их не скрывали длинные волосы. Иногда Кегс собирал волосы, и было видно, что татуировка тянется по шее до самого затылка.

Он чмокнул меня в щеку и проводил до туалета, и стоял у двери, пока я не закончила свои дела, а потом проводил до кухни.

– Повнимательнее с сыном клиента, – предупредил он остальных.

– Я же говорила, – хихикнула Хоуп.

В ту ночь Кегс проводил нас до самого дома. На следующий день Джулиан с тревогой выслушал об инциденте, но сказал, чтобы мы не беспокоились, поскольку клиенты уехали обратно в Мэриленд. Вернее, мы так думали.

Несколько недель спустя мы с Ноэми возвращались из библиотеки, и она повстречала кого-то из своей группы. Я оставила их и сказала, что сама доберусь до дома.

Я прошла три квартала, и меня что-то укололо. Я даже вскрикнуть не успела, ноги подкосились, и в глазах потемнело.

* * *

– Вечером, посреди улицы, в Нью-Йорке? – недоверчиво спрашивает Эддисон.

– Как я уже сказала, в Нью-Йорке, как правило, не задают вопросов, а отец с сыном при необходимости могли быть очень обаятельными. Думаю, они сумели убедить людей вокруг.

– И вы очнулись в Саду?

– Да.

Ивонна приоткрывает дверь бедром. В руках у нее упаковки с едой и напитки. Она едва не роняет все на стол и благодарит Виктора, когда тот помогает ей все расставить.

– Тут хот-доги, гамбургеры, картошка, – говорит Ивонна. – Не знала, что вы любите, поэтому попросила, чтобы соусы положили в коробку.

До Инары не сразу доходит, что Ивонна обращается к ней. Она ограничивается простым «спасибо».

– От Рамирес есть что-нибудь? – спрашивает Эддисон.

Ивонна пожимает плечами.

– Ничего особенного. Идентифицировали еще пару девушек, и некоторые назвали свои имена и адреса. Или только адреса. У одной родители переехали в Париж. Бедняжка.

Виктор распаковывает еду и следит за Инарой. Та вопросительно смотрит на Ивонну, но никак не выдает своих мыслей. Потом качает головой и берет пакетик с кетчупом.

– А сенатор? – спрашивает Эддисон.

– Еще в воздухе. Им пришлось отклониться от курса из-за грозового фронта.

Что ж, это тоже весьма неплохо.

– Спасибо, Ивонна.

Она подносит руку к уху:

– Я дам знать, если будет что-нибудь интересное.

Кивает Инаре и выходит. Еще через несколько секунд зеркальное стекло вздрагивает: хлопнула дверь в наблюдательной комнате.

Виктор выдавливает горчицу на хот-дог и наблюдает за Инарой. У него еще ни разу не возникало сомнений относительно расстановки ролей в разговоре с жертвой. Но ведь и она не совсем обычная жертва, ведь так? Это, по меньшей мере, половина проблемы. Он хмурится и смотрит на еду, чтобы Инара не приняла это на свой счет.

Это прерогатива Эддисона.

Но он должен знать.

– Вы не очень-то удивились, когда слышали про сенатора Кингсли.

– А должна была?

– Все-таки вы знаете друг друга по имени.

– Нет.

Она выдавливает кетчуп на котлету и жареную картошку, после чего набивает рот.

– Тогда как...

– Некоторые без конца говорили о своей семье. Наверное, боялись забыть. Но имен никто не называл. Равенна говорила, что ее мама была сенатором. Это все, что я знаю.

– Ее настоящее имя Патрис, – замечает Эддисон.

Инара лишь пожимает плечами.

– Как, по-вашему, назвать Бабочку из Сада, если от внешнего мира ее отделяет всего один шаг?

– Ну? И как же ее назвать?

– Думаю, все зависит от матери, сенатор она или нет. Насколько болезненным будет переход от Равенны к Патрис, если мама будет слишком настаивать?

Она откусывает от гамбургера и медленно жует, закрыв глаза. У нее вырывается тихий стон, и лицо смягчается от удовольствия.

– Давно не ели фастфуд? – Эддисон невольно улыбается.

Инара кивает.

– Лоррейн готовила только здоровую пищу, с этим было строго.

– Лоррейн? – Эддисон достает блокнот и перелистывает несколько страниц. – Врачи приняли женщину по имени Лоррейн. Она сказала, что работала там. Выходит, она знала про Сад?

– Она жила там.

Виктор смотрит на нее в изумлении, краем глаза замечая, как соус с хот-дога капает на фольгу. Инара не торопится, доедает все до последнего кусочка и только потом продолжает.

– Я, кажется, говорила, что некоторые девушки пытались выслужиться?

* * *

Лоррейн в свое время тоже пыталась. Она так хотела понравиться Садовнику, что готова была помогать ему во всем, что бы тот ни задумал, лишь бы он любил ее. Наверное, она была психически сломлена еще до того, как попала в Сад. Обычно девушкам вроде нее делали вторую татуировку – еще одну бабочку, но теперь уже на лице, чтобы все видели, как им нравится в Саду. Однако на Лоррейн у Садовника были другие планы. Он выпускал ее из Сада.

Он отправил ее в школу медсестер и на кулинарные курсы. Лоррейн была до того покорна и так его любила, что даже не пыталась сбежать или рассказать кому-нибудь про Сад, или мертвых Бабочек, или про живых, которые еще могли на что-то надеяться. Она ходила на занятия, а когда вернулась в Сад, стала набираться опыта. Когда ей стукнул двадцать один год, Садовник забрал у нее все черные платья и выдал простую серую униформу, которая закрывала спину. Так Лоррейн стала нашей медсестрой и кухаркой.

С того дня он ни разу к ней не прикоснулся и не разговаривал с ней, если дело не касалось ее обязанностей. Тогда она возненавидела его.

Но, видимо, не настолько, чтобы рассказать про Сад.

В хорошие дни, каких выпадало не так уж много, я даже чувствовала что-то вроде жалости к ней. Сколько ей, около сорока, так? Она была одной из первых Бабочек и провела в Саду большую часть жизни. Если подумать, то психологический перелом, наверное, неизбежен. Во всяком случае, она не оказалась под стеклом, о чем горько сожалела.

Мы ее ненавидели. Даже те, которые выслуживались перед Садовником, презирали ее, потому как даже они сбежали бы при первой же возможности, позвонили бы в полицию, чтобы вызволить остальных. Или, по крайней мере, убеждали себя в этом. Но если б представился случай... Не знаю. Были слухи про девушку, которой удалось сбежать.

* * *

– Кому-то удалось сбежать? – переспрашивает Эддисон.

Инара криво усмехается.

– Ходили слухи, но точно никто не знал. Ни в нашем поколении, ни в предыдущем. Это казалось чем-то несбыточным, но многие из нас верили просто потому, что нуждались в этом. Мы верили, но не думали, что это осуществимо. Сложно верить в возможность побега, глядя на Лоррейн, которая предпочла остаться.

– Вы бы попытались? – спрашивает Виктор. – Сбежать?

Она переводит на него задумчивый взгляд.

* * *

Наверное, мы были другими, не то что тридцать лет назад. Блисс в особенности любила досаждать Лоррейн в основном потому, что та не могла ответить. Садовник приходил в ярость, если Лоррейн в чем-то нас ущемляла. Она не могла даже оскорбить нас, поскольку и слова могли ранить.

Наемные садовники, скорее всего, не знали про Бабочек. Мы никогда не попадались им на глаза, и, пока они работали в Саду, нам запрещено было покидать свои комнаты. Стены были плотные и звуконепроницаемые, поэтому мы не могли слышать их, как и они нас. Лоррейн единственная знала про нас, но бесполезно было просить ее что-то сделать или передать кому-нибудь сообщение. Она бы не только отказала, но и доложила бы все Садовнику.

И тогда еще одна Бабочка отправилась бы в коридор, под стекло.

Иногда Лоррейн глядела на этих девушек под стеклом с такой откровенной завистью, что больно было смотреть. Это все, конечно, трогательно, но жутко бесило. Ведь она, черт возьми, ревновала к убитым девушкам. Однако Садовник любил этих девушек. Он приветствовал их, когда проходил мимо, или приходил, чтобы просто посмотреть на них. Он помнил их по именам и называл своими. Мне кажется, Лоррейн надеялась однажды присоединиться к ним. Ей хотелось, чтобы Садовник любил ее так же, как любил нас.

Думаю, она не понимала, что этого никогда не случится. Девушки попадали под стекло в самом расцвете, их крылья сияли на молодой, безупречной коже. Садовник и не подумал бы помещать под стекло сорокалетнюю женщину – или сколько ей там стукнуло бы, – чья красота давно поблекла.

«Красота долго не живет», – так он сказал мне в нашу первую встречу.

Он наслаждался этой красотой, а потом наделял своих Бабочек своего рода бессмертием.

* * *

Ни Виктору, ни Эддисону нечего сказать на это.

Никто просто так не просится в группу по расследованию преступлений против детей. У всех есть свои причины. Виктору всегда важно знать мотивы тех, кто работает в его группе. Эддисон смотрит на свои стиснутые кулаки, и Виктор знает, что сейчас он думает о своей младшей сестре: она пропала, когда ей было восемь лет, и до сих пор о ней ничего не известно. Нераскрытые дела всегда были для Брэндона тяжким грузом: те случаи, когда родные ждали ответов,

которых, возможно, никогда не получают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Вашингтон редскинс» – американский профессиональный футбольный клуб (американский футбол).

2

Стокгольмский синдром – психологический термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия.

3

Bliss (англ.) – блаженство, наслаждение.

4

Большинство североамериканских бабочек не имеют устоявшегося русского названия. Здесь и далее приведены адаптированные варианты названий.

5

Пер. В. Брюсова.

6

Юнитард – обтягивающий комбинезон для занятий спортом.

7

Название популярной в США телевизионной игры.

Купить: https://telnovel.com/hatchison_dot/sad-babochek

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)